

Holly Hope Karter
Северный ветер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Holly Hope Karter
Северный ветер

«Автор»

2023

Holly Hope Karter

Северный ветер / Holly Hope Karter — «Автор», 2023

Дана Торрес приходит в себя в загадочной пещере. Ее "похититель", назвавшийся Хароном, владеет магией: щелчком пальцев он лишает девушку сознания, заставляет молчать и читает ее мысли. А еще он убежден - Дана отмечена мойрами. Ее ждет великая судьба - нужно всего лишь отказаться от прошлого и шагнуть в Лиман! Обычная на вид лужа - дверь в другой мир. И именно его Дана должна защитить от угрозы неведомых врагов. Но прежде ей необходимо выжить в снежной пустыне, встретиться с красавцами-всадниками, выучить их язык, осознать свои силы и найти ответы на сотни вопросов, один из которых - кто она такая?

© Holly Hope Karter, 2023

© Автор, 2023

Содержание

15 лет назад...	5
Вместо пролога	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	54
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Holly Hope Karter

Северный ветер

15 лет назад...

...прочитав мою самую первую, нелепую и (давай признаем) хромую на все запятые рукопись, ты сказала: «Это здорово, продолжай, у тебя все получится!».

Получилось, мам.

Люблю тебя.

Вместо пролога

Вы знаете, сколько людей ежегодно пропадает в нашем мире? Сотни тысяч.

Кого-то обнаруживают погибшим, и безутешным близким остаются лишь скорбь и воспоминания. Кого-то – ведущим иную жизнь и нисколько не жалеющим о своей пропаже.

А кто-то так и остается без вести пропавшим. В этих случаях зачастую находятся очевидцы, которые могут рассказать, как те выглядели и чем занимались перед исчезновением.

Но порой люди словно проваливаются сквозь землю.

И, кажется, я знаю, где искать часть из них...

Глава 1

Первое, что я услышала – плеск воды.

Первое, что почувствовала – прохладу и сырость.

Первое, что увидела – нихренашеньки.

Вокруг было темно, как в гробу.

Хотя откуда мне знать, каково оно там, в гробу?

Ироничная мысль поспешно ретировалась, подгоняемая легкой паникой. Я пошевелилась и подавила стон, когда мышцы отозвались на движения ноющей болью. Что-то остро врезалось в спину, вдавилось в позвонки выше лопаток.

Я осторожно пошевелила пальцами, потом кистями и ступнями. Конечности подчинялись плохо, вяло, словно я проспала часов двадцать в одной позе и основательно затекла.

Я потянулась, стараясь не издавать лишних звуков, и прислушалась к ощущениям. Вестибулярный аппарат сигнализировал, что то, на чем я лежу, плавно покачивается. Слух добавил к картинке ритмичный плеск воды. Обоняние – запахи мрачной, сырой пещеры.

Хотя опять же – откуда мне знать, каково оно в мрачной, сырой пещере?

Легкая паника под пагубным влиянием тревоги медленно раздувалась, заполняя грудную клетку и вытесняя воздух. Я изо всех сил пыталась контролировать процессы, обеспечивающие жизнедеятельность организма.

Хреново получалось.

Сердце билось слишком быстро. Дышать становилось все труднее. Под челюстью словно сомкнулись чьи-то пальцы. По спине в разные стороны бросились мурашки. Из-за этого марафона волосы на шее никак не могли улечься.

Мой взгляд забегал по темному пространству. Я часто заморгала, пытаясь понять – действительно света нет или я зрения лишилась? Повязки на глазах точно не было.

Отчего-то вопрос: «где я, черт возьми?» возник с запозданием, хотя был самым очевидным. Я боялась лишний раз шевельнуться или издать звук, интуитивно ощущая присутствие кого-то еще. И уже ни разу не легкая паника все активнее завладевала сознанием, нашептывая страшное: *тебя похитили*.

Я облизнула пересохшие губы и попыталась вспомнить все, что знала о действиях в таких ситуациях. По критериям бесчисленных курсов по безопасности жизнедеятельности, пройденных мной за последние десять из тридцати трех лет жизни, моя ситуация не слишком подходила под определение чрезвычайной ситуации. Но я ощущала ее именно так.

Итак, действия...

А черт его знает, что делать!

«Не паникуй, замедлись, обдумай все», – это было не с занятий по гражданской обороне. Так говорит моя мать, стоит мне оказаться в заднице. Хороший совет, дельный, и я решила им воспользоваться.

Глубоко вдохнула. Прикрыла глаза. Попыталась определить последнее воспоминание – что я делала до того, как оказалась в... Кстати, где?!

Здесь. Ладно, пусть будет ЗДЕСЬ.

Что я делала до того, как оказалась в этом темном, сыром и промозгом месте? Судя по ощущениям и звукам, я... плыву? Да. Вероятно, в лодке. Ритмичный плеск воды – это... Об борт? Нет, ритмичнее. Весло? Кто-то управляет лодкой. Меня куда-то везут!

Страх вцепился в нервные окончания с одуряющей яростью, и я едва не взвыла. Все тело напряглось, отзываясь ноющей болью на минимальные движения. Первым порывом было вскочить на ноги и выброситься за борт лодки, но я совершенно не представляла, что там за борт, с какой высоты придется падать и как быстро я утону с такими вялыми конечностями.

Я еще раз осторожно пошевелилась и убедилась – я не связана и ни к чему не прикована. Лежу себе неудобно на дне лодки, которую кто-то куда-то направляет.

И чем это не чрезвычайная ситуация в масштабах одного человека?!

Снова захотелось сигануть за борт, но я задавила порыв к бесславной и вполне вероятной смерти. Я маленькая, хрупкая... Ну, ладно, не такая уж и хрупкая при своих пяти футах и шести дюймах¹ да при весе в... кхм... сто сорок фунтов²... Но это ничего не меняет! Я слабая молодая женщина! Если попытаюсь удрать в полной темноте, и тот, кто управляет лодкой, бросится за мной, чем закончится это увеселительное мероприятие?

– Ты слишком громко и много думаешь.

Я вскрикнула, когда над головой раздался шипящий голос. В кровь щедро вбросился адреналин, и мне показалось, что я способна раскрошить гору двумя пальцами.

Я рванула вперед, повинувшись приказу инстинкта самосохранения, а в следующее мгновение с грохотом рухнула обратно, сильно ушибив спину и голову. Что-то невидимое мягко, но в то же время сильно ударило в каждый дюйм тела. Силы разом покинули меня. Перед глазами расплылись багровые круги. Я попыталась закричать, но звуки застряли в горле.

Незнакомец хмыкнул где-то надо мной.

– Рано очнулась, слишком рано. Интересно, интересно...

Мне хотелось закричать: «нет, совершенно не интересно, отпусти меня, что ты сделал со мной?». Но с губ срывались лишь глухие вздохи. Мне казалось, я умру от разрыва сердца в ближайшие несколько секунд!

– Мы скоро будем на месте. Поспи еще.

Сухой щелчок стал последним, что я услышала, прежде чем мир, уже погруженный во мрак, заполнила тишина.

***

Я перевернулась, намереваясь лечь поудобнее, и вздрогнула, сильно оцарапав щеку об что-то мокрое и твердое.

– Да чтоб тебя!

Морщась от боли, села и прижала ладонь к лицу. На пальцах осталось что-то липкое и влажное, но я не была уверена, что именно – кровь или...

Воспоминания обрушились лавиной. Их было немного, но ужаса в них точно хватит на всю жизнь. Я распахнула глаза и застыла, шокированная увиденным.

Я действительно находилась в пещере, но она больше не была мрачной и темной. Слово «жуткая» подходило больше.

Меня высадили на небольшом каменном пятчке, с трех сторон окруженном водой. Лодка незнакомца с вытянутым, вздернутым кверху носом замерла у берега, словно угодив в ловушку из черного льда.

Сама пещера была огромной. Прохладный воздух оставался неподвижен – ни единого сквозняка. На каменном полу поблескивало несколько небольших лужиц. Мне почудилось движение, но они были слишком мелкими, чтобы там обитала жизнь крупнее головастиков. Уходящие в черную высь каменные стены были исчерчены непонятными символами, которые слабо светились. Видимо, этот бледно-голубой свет производили какие-то микроорганизмы.

Я пробежалась взглядом по причудливым узорам, испытывая восхищение и смятение.

Место было мне совершенно незнакомо.

Я огляделась, ища незнакомца.

---

¹ 167-168 см. 1 дюйм = 2,54 см

² 63,5 кг. 1 фунт = 0,45 кг

В десяти ярдах от меня на фоне голубого света четко обозначилась фигура человека. Он идеально вписывался в пейзаж в длинном черном плаще с капюшоном и с посохом, к навершию которого был прикреплен старинный фонарь.

Я замерла, совершенно не представляя, что делать. Бежать? Куда? Броситься на него? За каким чертом? Он просто смотрит на меня, не предпринимает никаких действий, не создает видимости угрозы.

Я проглотила ком в горле и с трудом выдавила:

– Где я?

Незнакомец не ответил и бесшумно двинулся в мою сторону. Я неуклюже поднялась на ноги и начала отступать. Истерично взвизгнула:

– Не подходи!

Нужно уточнять, что он не остановился? Думаю, нет.

– НЕ ПОДХОДИ КО МНЕ!

Под ногами хрустели мелкие камешки. Я огляделась в поисках более-менее крупного булыжника. Хоть какое-то средство самозащиты!

Споткнулась об трещину. Нелепо взмахнув руками, удержалась на ногах, а когда снова выпрямилась, закричала во весь голос – похититель оказался прямо передо мной.

– Тише.

Он шелкнул пальцами, и мои крики оборвались. Горло словно сдавили невидимые руки. От головы отхлынула кровь. Меня затошнило.

Я в ужасе уставилась на замотанную в грязный бинт кисть похитителя. На длинных, узловатых пальцах лишь местами сохранилась плоть. Господь всемогущий! Да я могла пересчитать пястные кости, едва прикрытые лоскутами сухой, как пергамент, кожи и полуистлевшей ткани!

Если бы я могла двигаться, я побежала бы, да так быстро, что обогнала бы и ветер, и свет, и звук, и мысль – вообще все!

Незнакомец проследил за моим взглядом, аккуратно подтянул измочаленный по краю рукав, прикрывая кисть, и вцепился в посох обеими руками.

– Всегда одно и то же, каждый раз.

Его усталый голос шелестел ветерком, запутавшимся в траве. Незнакомец качнул головой, и объемный капюшон дрогнул, ткань пошла волной.

– Вы кричите, пытаетесь сбежать, плачете, умоляете и совершенно не хотите слушать. Может, не разрешать вам говорить?

Голос мужчины – а в том, что передо мной мужчина, я больше не сомневалась – забренчал от раздражения. Я попыталась помотать головой, но не смогла пошевелиться.

– Не кричи.

«*Не буду!*».

– Не беги.

«*Не обещаю, но постараюсь!*».

Сердце пыталось пробить грудную клетку и свалить в темноту пещеры, но ребра упрямо удерживали его внутри. Воздуха катастрофически не хватало, словно меня замотали в брезент, и кислород под ним быстро заканчивался.

Незнакомец сухо шелкнул пальцами, и хватка невидимых рук на горле исчезла. Я судорожно вдохнула и согнулась пополам.

Инстинкт приказывал бежать, но ноги дрожали так сильно, что я стояла с великим трудом.

Мужчина терпеливо ждал, пока я приду в себя, возвышаясь надо мной мрачной тенью. Он тяжело опирался на посох, но я кожей чувствовала его могущество и уверенность. Видимо, в том, что я никуда не денусь.

Я выпрямилась и отступила на шаг, с испугом заглядывая в капюшон. Мне почудилось, что чернота, прячущая лицо незнакомца, клубилась и извивалась, как живое существо.

– Где я?

– Там, куда в нужный день и час отправляются такие, как ты.

– Как я? Это какие?

Он склонил голову набок.

– Те, кого при рождении коснулись... мойры³. Это слово тебе знакомо.

Я уставилась на него в недоумении. Что за чушь он несет?!

В мозгу закопошилась осторожная мысль – это розыгрыш. Конечно розыгрыш! Глупый и довольно жестокий. Никто меня не похищал! Какой-то идиот запихнул меня в это жуткое местечко, чтобы посмеяться. Возможно, даже смеяться будем вместе!..

...после того как я убью шутников, медленно и мучительно.

– В который раз нахожу подтверждение тому, что жестокость более свойственна натуре женщин, а не мужчин.

Я растеряно уточнила:

– Это... Ты к чему это?

– Убью медленно... Мучительно...

Я ахнула и отступила на шаг.

– Ты что, читаешь мои мысли?

Незнакомец медленно кивнул. В простом движении было столько непоколебимой уверенности, что я поверила ему на слово и потянула горловину толстовки, когда она начала душить меня.

Читает мои мысли?! Но как?!

Нет, это розыгрыш. Глупый розыгрыш! Не существует людей, которые могут читать мысли! Телекинез – выдумка! Пирокинез и прочая хрень – тоже! У писателей слишком богатое воображение и скучная жизнь, вот и выдумывают всякие фантастические сценарии, чтобы развлечь себя и публику!

Этот незнакомец не читает мои мысли! Он просто... хороший психолог! Угадывает со стопроцентным попаданием, о чем я думаю в стрессовой ситуации!

Но как он мог узнать, что я думаю про пытки и убийства? Дословно повторить мои мысли!

Я медленно покачала головой. Губы задрожали, растягиваясь в улыбке.

Нет, он не читает мои мысли. Я просто сказала это вслух!

Он – актер! Как те, в квестах и ролевых играх. И костюмчик подходящий! Кто же его нанял? Кто из моих способен на такую пакость?

Но его пальцы... И то, как он заткнул меня одним щелчком...

Нет! У него на руках перчатки. Часть костюма! А щелчки... Я же в панике! И так реагирую на стресс! И вырубилась от переизбытка эмоций! Люди не умеют затыкать рот магическим щелчком. А читать мысли – тем более!

Незнакомец издал шелестящий звук, отдаленно похожий на смех.

– Повезло мне, что я не человек. Ваш мозг так ограничен. Как нелепо он защищается, пытаюсь объяснить все, что способно разрушить устоявшееся мироздание. Такое же ограниченное, как и сам мозг.

Я оборвала его нетерпеливым взмахом руки и наиграно рассмеялась.

– Красиво говоришь, но достаточно представлений. Где я? И за каким чертом я здесь?

Незнакомец пробежал пальцами по посоху, постукивая костями по дереву. В пустом фонаре без стекол вспыхнул и тут же погас огонек.

– Ты оказалась здесь, потому что пришло время.

---

³ В греческой мифологии богини судьбы.

– Какое?
– Твое.
– Мое?
– Ты в первый раз услышала верно. Почему переспрашиваешь?
Я нервно усмехнулась.
– Хорошо, давай по твоим правилам! Время для чего?
– Для нового пути.
– Какого пути?
– Сложного, полного трудностей и опасностей, но великого.
Я протянула:
– Даже так! Великого... Это что, подсказка для первого задания этого дебильного квеста?! Или пролог?
– Если ты решишься сделать шаг в новую жизнь...
Я округлила глаза.
– Неплохо вас из крайности в крайность таскает! Уже жизнь! До этого был великий путь. Теперь уже целая жизнь! Сценаристов смените!
Незнакомец застыл. Посох сухо хрустнул под его страшными пальцами.
Да он меня сейчас им по голове стукнет!
Я торопливо вскинула ладони и примирительно улыбнулась.
– Ладно, давай по новой, на какой шаг я решиться должна?
– На судьбоносный.
Я невольно присвистнула.
– Эго у вас заигралось! Режиссеров тоже смените. Хорошо! Куда шагать?
– Лишь тебе предстоит сделать этот выбор.
– Я готова выбирать!
Незнакомец протяжно вздохнул и склонил голову набок.
– Сначала ты должна закончить свои дела здесь.
Я нетерпеливо протянула руку.
– Хорошо! Закончу. Давай задание. Или оно устно излагается?
Мужчина качнул головой и с досадой прошелестел:
– Сложно. Каждый раз сложно.
– Да что сложного? Задание первое выдай!
– Ты должна оставить прежнюю жизнь здесь.
– А где, говоришь, находится это «здесь»?
– Там, где проходит грань, за которой привычный мир навсегда останется в прошлом.
Оставь прежнюю жизнь, если готова сделать решающий шаг.
Я зажала переносицу пальцами, возвращая контроль над эмоциями. Много же ему заплатили, раз он так роль отыгрывает!
Проглотив с десяток ругательств, я попыталась рассмотреть на каменных стенах стыки декораций. Может, камеры найду? Покажу организаторам средний палец!
И как я могла подумать, что светящиеся символы – это микроорганизмы? Это же иллюминация! Под потрясающими декорациями спрятаны светодиодные ленты! И все!
Я точно в квесте! Очень странном, в котором игрок участвует против воли. А этот странный мужчина – актер в хорошем костюме с хреновым текстом!
Аргументы были очень убедительными и весомыми... но что-то завоzilось в животе, надавило на желудок, заставляя его упасть в пятки к уже бьющемуся там сердцу.
Во рту появился кислый привкус. Скулы свело. Я взглянула на мужчину исподлобья.
– Какая у тебя роль интересная – людей до инсульта доводить.
Он спокойно парировал:

– Все исполняют роли, но лишь некоторым из нас они уготованы судьбой, а не рождаются из наших прихотей.

Я потерла лоб пальцами и глухо вздохнула. Что он несет?..

– Ты лучше скажи, как ваша компания называется? Я пришла бы и на другие... НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ!

Я закричала, когда он схватил меня за руку. Стоило костлявым пальцам сомкнуться вокруг моего запястья, перед глазами повисла багровая пелена. По руке к плечу рванула боль, обхватила шею тугим кольцом, пробралась к затылку, поднимая волосы.

Я слепо оставилась перед собой, а незнакомец протянул с нескрываемой тоской:

– Я устал. Слишком устал объяснять каждый раз.

Голова затрещала по швам, а перед взглядом вереницей пронеслись словно бы фрагменты фильма... про меня! Но все это было не со мной! Я наверняка запомнила бы саму себя, устало бредущую по знакомым улицам, погруженным в ночную темноту.

Ласковый ветерок треплет длинные каштановые волосы. Взгляд опущен на землю. На губах – задумчивая улыбка. В душе – радость и удовлетворение. Ведь крупный проект, что отнимал большую часть моего времени, как рабочего, так и личного, завершен с почти скандальным успехом! И потому в моей руке шоппер с бутылкой вина, сыром и фруктами – не отметить такое достижение – преступление!

За спиной оставались кварталы родного города, закутанные в танцующую в воздухе весеннюю взвесь и подтаявшие сугробы. Вокруг ни души. Окна в домах давно погасли – иногда мне кажется, что я одна такая ненормальная, работающая круглыми сутками. Мирная, спокойная картинка...

...но что-то колючее заворчалось в груди, предчувствуя – дальше случится плохое. Страшное! После чего, собственно, я и оказалась в лодке хрен пойми где и хрен пойми с кем.

Я смотрела этот плохо смонтированный фильм, ожидая чего угодно: мрачной тени с ножом, автомобиля с неправдоподобно яркими фарами, стаи бродячих агрессивных псов... но плохое и страшное оказалось до глупого банальным.

Незнакомец выпустил мое запястье, обрывая видение. Я не удержалась на ногах и упала на каменный пол. Боль прострелила колени и ладони, в которые вонзились острые грани мелких камушков. Я замерла клубком спутанных мыслей и чувств, а перед взглядом застыли рассыпавшиеся по земле фрукты и разбитая бутылка вина. Красную жидкость, в темноте похожую на кровь, жадно впитывал подтаявший снег...

Вот я была – и вот меня нет.

Как это?! Куда я делась?

– Что... Что это было?

Незнакомец сухо шепнул:

– Твой последний день.

– В каком смысле «последний день»?

Я поспешно отползла, когда он приблизился, и черный плащ коснулся моей ноги.

– Не трогай меня!

Но мужчина снова схватил меня за запястье. И снова я замерла, а перед взглядом пронеслись сцены, свидетелем которых я никак не могла стать.

Убитые горем родители. Пустая квартира. Укрытая белой тканью мебель. Коробки с вещами. Мой кот у сестры на руках. И листовки. С моими фотографиями. С моим именем. Со страшной надписью: *пропала женщина*.

Я вырвалась и отползла, задыхаясь от ужаса.

– Что это... Как ты это делаешь?!

– Каждый раз одно и то же...

Незнакомец опустил голову, и я подавилась криком, когда тени из его капюшона поползли к плечам черными щупальцами.

– Что ты... Что... Как... Кто ты?!

– У меня множество имен.

– Назови хоть одно!

Он задумался на пару мгновений и тихо ответил:

– Харон⁴. Ты знаешь это имя. И ты оказалась в моей лодке. Понимаешь, что это значит?

В памяти забилося что-то, услышанное давным-давно, еще в детстве. Воспоминания лениво оформились в смутный образ мужчины в длинном плаще, плывущего в лодке с горящим фонарем на вершине посоха... Что-то из древних мифов... Харон... Это же...

НЕТ! НЕТ ЖЕ! ЭТО НЕВОЗМОЖНО!

– Я не умерла!

– Нет, не умерла.

Я облегченно выдохнула, но Харон припечатал меня к месту словами:

– Ты бесследно пропала.

– Так верни меня!

– Это невозможно.

Я вскочила на ноги и бросилась к лодке.

– В смысле «невозможно»? Отвези меня обратно!

Я схватилась за скользкий борт, дернула – посудина не шевельнулась. Дернула еще раз – тот же результат. Забилась, как ненормальная – никакого эффекта.

Выдохшись, рухнула на колени. Закричала. Ударила рукой по воде, и она брызнула во все стороны. И вдруг нечто потянулось ко мне из черной глубины. Это нечто было похоже на облако сизого дыма... С РУКАМИ! И оно бросилось на меня!

Харон мгновенно оказался рядом и ударил монстра посохом. Он злобно взвыл от боли и нырнул под лодку, не потревожив водную гладь.

Я завопила от ужаса и поползла прочь. Харон шел следом, рокоча:

– Каждый раз приходится объяснять! Доказывать! Убеждать! Много веков подряд только и делаю, что твержу отмеченным мойрами: твоя судьба – оказаться в этот час в этом месте!

Я развернулась и закричала, захлебываясь слезами:

– Да пошла к черту эта судьба! Верни меня обратно!

Харон глухо выдохнул и ударил каменный пол концом посоха.

– Не могу!

– Я хочу домой! Я хочу к своим!

– Те, кого ты зовешь своими, мертвы или забыли тебя! Тебе не к кому возвращаться!

Я подползла к нему и вцепилась в плащ, но отпрянула, когда он попытался схватить меня за запястье.

– Они не могли умереть! Я здесь всего... Сколько? Сутки? Что могло измениться за это время? Как они могли забыть меня?!

Харон погладил посох и прошелестел:

– В твоём мире прошло семнадцать лет с того дня, как ты пропала.

Я затравленно огляделась. В моем... мире...

Мозг отчаянно сопротивлялся, отрицая действительность. Я искала объяснение всему, что видела, и находила! Но не верила в свои же аргументы ни секунды.

Харон тяжело вздохнул.

– Очередное доказательство того, насколько ограничен человек. Насколько бесполезен ваш глупый орган, который лишь сподвигает вас к размножению.

---

⁴ В греческой мифологии перевозчик душ умерших через реку Стикс в подземное царство мертвых.

Я, честно признаться, не сразу поняла, что он про мозг говорит. И истерично расхохоталась, закрыв лицо ладонями.

– Это неправда! Он еще дышать нас заставляет!

Харон умолк, когда я зашлась в рыданиях и упала на пол, скручиваясь в клубок боли и обиды на судьбу.

***

Я не могла сказать наверняка, сколько прошло времени. Оно будто остановилось, насмехаясь надо мной и продлевая мучения.

Я плакала, кричала и ругалась такими словами, что мать перекрестилась бы, а отец упал бы в обморок. Злилась на судьбу, вселенную и конечно же на Харона. Убеждала себя, что все это – шутка, умоляла отпустить. Угрожала расправой идиотам, которые затеяли все это. Выдыхаясь, падала на пол. Внезапно разозлившись, снова вскакивала и металась по пещере. А потом, обессилев, садилась на пол возле каменной стены, подтягивала колени к груди и раскачивалась вперед-назад, бормоча себе под нос.

Я не засыпала. Не отключалась. Вероятно, в месте под названием «Здесь» это было невозможно без «помощи» моего нежеланного компаньона.

Харон молча наблюдал за моими метаниями. Не реагировал на крики, обвинения и угрозы. Больше не пытался убеждать. Терпеливо ждал, когда я в ускоренном темпе пройду через пять стадий горя⁵.

Глупец! И он еще что-то про человеческий мозг говорит!

Я уставилась на мрачную фигуру. Голос сел от криков, стал тихим и хриплым.

– Ты смерть, да?

– Так меня тоже зовут, но ошибочно. Это – не мое ремесло.

– А какое твое?

Харон плавно повел рукой, и я устало взглянула на неподвижную лодку.

– Доставлять тех, чей час пришел, к грани, дать им время и покой, чтобы смириться и...

– ...направить дальше?

– Сделать выбор.

Фонарь на посохе вспыхнул на одно короткое мгновение и погас.

По моим щекам снова потекли слезы. Все происходящее казалось плохим сном. И мне страшно хотелось, чтобы так оно и было! Чтобы утром я проснулась с головной болью, потому что отлично отметила завершение проекта бутылкой вина, а не потому, что пропала черт знает сколько лет назад и проревела несколько часов... или дней!

Харон иронично протянул:

– Людям свойственна надежда. Опасное, слабое чувство...

Я зло утерла нос.

– Иногда одной надежды достаточно, чтобы выжить!

– Не тогда, когда ты уже мертв.

– Я не умерла, ты сам сказал!

– Здесь ты жива. Но в твоём мире – мертва.

Я заскулила:

– Почему я?!

– Потому что ты отмечена мойрами. Такова твоя судьба – оказаться...

Я зло рявкнула, обрывая патетичную речь:

– Ты уже говорил! Можешь не повторять!

---

⁵ Отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие.

И зажмурилась, не желая верить ему, умоляя высшие силы – пусть все происходящее окажется дурным сном! Или разыграем! Я не притронусь к тем, кто все это затеял! Лишь бы все это оказалось жестокой шуткой!

Перед взглядом проносились лица тех, кто остался за гранью, в моем мире. Семья, друзья, знакомые, коллеги... Моя сложившаяся жизнь! Уютная квартира, перспективная должность, подобранный на улице кот. Все такое привычное и знакомое...

Как я могу отказаться от всего этого в один миг?!

Харон снова прочитал мои мысли.

– Ты должна решиться и отпустить...

– Мне нужно время! Больше времени!

– Я бессмертен, но не вечен. Я могу подарить тебе время. Но, приняв мой дар, ты останешься здесь навсегда. Не до конца своей жизни – прошлая окончилась, едва ты оказалась в моей лодке, а в новую ты должна шагнуть по своей воле. Не сделаешь это – и останешься в одиночестве на этом берегу до конца мироздания и веками будешь разглядывать письма на стенах. И они начнут шептаться с тобой, рассказывать истории. И ты начнешь слушать их... Ты не поймешь, как и когда это случится, но растворись в вечности и продолжишь существовать, утратив себя. И станешь одной из них.

Харон взмахнул посохом, и окружающий нас пейзаж изменился. Я задавила вопль ужаса и уставилась на размытые силуэты, которые забили крошечный участок каменистой суши.

Одни распластались на земле, другие сидели, устало привалившись к стене, третьи замерли у кромки черной воды, опустив головы. Абсолютно неподвижные, без единого признака жизни. И уж очень они походили на дымку, что бросилась на меня из воды.

Я прижала дрожащую ладонь к губам и уставилась на Харона. Тени у его лица клубились грозowymi облаками, стекали вязкой смолой в горловину плаща.

– Что... они... такое?

– Им требовалось больше времени.

Его голос едва заметно дрогнул. Казалось, Харон искренне сочувствует судьбе этих существ... Но ведь из-за него они здесь оказались!

Горький смешок остудил мою злость.

– Это не мое ремесло – вырывать отмеченных мойрами из их жизней.

Я нервно огрызнулась, украдкой рассматривая сотканную из дыма фигуру в пяти шагах от меня. Она не шевелилась, словно утратившая хозяина тень.

– Прекрати копаться в моей голове!

Харон проследил за моим взглядом и прошелестел:

– Возможно, им видятся те, кого они любили. Мне хотелось бы верить в это.

Я вытерла щеки и посмотрела на него с вызовом.

– Какой еще есть вариант?

Перспектива остаться в этом месте с пусть даже без умолку болтающими стенами и в итоге свихнуться не радовала. Уж лучше... да что угодно! Seriously!

Харон любовно погладил посох и ответил:

– Решись на забвение. Решись забыть себя и все, что было до этого момента.

Да уж. Поспешный вывод насчет чего угодно...

Я уткнулась носом в колени и зажмурилась.

Забыть все и всех. Отпустить прошлое.

– Тебя и все, что произошло здесь, я тоже забуду?

– И все тревоги тоже. Ты сможешь начать все с чистого листа...

– ...ничего не помня про себя! Я хоть буду помнить, как дышать?!

– Будешь.

Мою иронию перевозчик не оценил. Или он просто не способен на это?

– Это и есть мой судьбоносный шаг? Забвение?

Я подняла взгляд и вскрикнула – лицо Харона, спрятанное в вязкой тени капюшона, оказалось в нескольких дюймах от моего. Чернота шевельнулась, потянулась ко мне. Я подалась назад и врезалась затылком в стену. Светящиеся узоры возмущенно загудели.

– Твой судьбоносный шаг – в Лимане.

– В каком, нахрен...

Харон качнул головой, указывая себе за спину.

– Ты высокомерно окрестила Лиманы лужами.

Я глянула на микроводоемы футов два-три в диаметре и озадаченно нахмурилась – там точно что-то двигалось. Какие-то пятна, размытые и непонятные...

– В них – судьбы тех, кто оказывается на этом берегу.

– Если я решусь, что меня ждет?

– Твоя судьба.

Я зло рявкнула:

– А поконкретнее можно?

Ткань капюшона пошла волнами, когда Харон склонил голову набок. Тени дрогнули и спрятались, обнимая его лицо.

– Лиманы являются к тем, кто способен спасти и губить миры.

Нижняя челюсть устремилась к ключицам.

– А не слишком ли большая ответственность для новичка?!

– В конце великого пути стоят те, кто в его начале не решался сделать первый шаг.

Харон выпрямился, возвысившись надо мной мрачной фигурой. Я поднялась на ноги и пошатнулась, но смотрела на перевозчика решительно. Пусть я была вымотана физически, эмоционально и морально – надежда, которую Харон подвергал гонению, придала сил.

– Ладно, хорошо, я поняла. Там что-то очень крутое! Судьба мира! Я согласна!

Я с опаской оглядела вновь опустевший клочок суши, пытаюсь увидеть пленников этого места.

– Что бы там ни было, я выбираю это. Не хочу... как эти... с протекшей крышей. Только скажи, что меня ждет! Я ведь все равно забуду, да?

Харон потянулся ко мне и взял за руку. На этот раз осторожно, почти нежно. Но меня все равно передернуло от отвращения, когда наши пальцы сплелись в «замок».

Он подался вперед, всматриваясь в мое лицо, шумно выдохнул. Меня обдало потоком воздуха. Неприятным таким, с ощутимым запахом плесени.

– Тебя ждет великая судьба.

Да твою же мать! Как он надоел своими речевыми оборотами!

Стоп... Это что – радость в его голосе?

– А поконкретнее можно?

– Этот мир очень давно ждет тебя. Они... намерены уничтожить его.

– Кого? Мир?

Харон склонил голову набок. Черное щупальце игриво коснулось края капюшона.

– Как сложны ваши языки. Сколько смыслов может быть у одного слова...

– А кто его уничтожить хочет? Кто такие эти «они»?

Харон издал шелестящий звук, похожий на смешок.

– Друзья, которые окажутся врагами. Герои, чьими поступками будет смыт позор с имен злодеев.

Я обреченно покачала головой. Отличная подсказка...

– Ладно, поняла, что мне делать?

– Для начала – шагнуть в Лиман.

Он указал на лужу, а я замерла в нерешительности. Как я туда пролезу с такими бедрами?

Харон снова прочитал мои мысли и вместо уговоров решил припугнуть – махнул посохом, позволяя мне увидеть застывшие на берегу тени. Я ринулась к ближайшей луже, всмотрелась в мельтешащие в воде размытые пятнышки и прошептала:

– Мы когда-нибудь встретимся снова?

Харон засмеялся. Я резко обернулась на мелодичные звуки и округлила глаза.

В десяти шагах от меня стоял красивый молодой мужчина. Он был одет в длинный черный плащ с золотой вышивкой по подолу и низу рукавов. Огромный капюшон лежал на широких плечах мягкими волнами. В фонаре горел огонь. Он играл бликами в золотой проволоке, вплетенной в черные волосы мужчины, искрил серьгой в его ухе.

Мужчина улыбнулся, обнажая ровные зубы. Серые глаза лукаво сверкнули. Густые ресницы дрогнули, роняя длинные тени на лицо с высокими скулами.

– Однажды я возьму тебя за руку и поведу за собой. Но ты не сдашься без боя.

Я уставилась на него, забыв, что собиралась сделать, и Харон это понял. Усмехнувшись, он набросил капюшон на голову одним грациозным движением. Второе завертело волчком воздух, и тот сильно толкнул меня в спину.

Я шагнула вперед, испугалась пустоте под ногой...

...а в следующее мгновение рухнула в снег и вскрикнула от неожиданности.

Мороз ударил со всех сторон разом. Победив желание зарыться в сугроб – в нем наверняка теплее, чем снаружи! – я поднялась на ноги и огляделась. Прямо над моей головой искрили белыми молниями темно-серые тучи. А земля до самого горизонта...

С губ сорвалось:

– Ну, пизд...

Окончание фразы подхватил и унес насвистывающий задорную мелодию ветер.

Меня окружала снежная равнина.

Глава 2

– Чертов Харон! И куда ты меня забросил?!

Я взглянула на отплывающее молниями небо и обхватила себя руками в жалкой попытке согреться. Инстинкты вопили, не умолкая: нужно найти укрытие!

В АРКТИЧЕСКОЙ ПУСТЫНЕ! КЛАССНЫЙ ПЛАН!

Вот теперь ситуация точно стала чрезвычайной. Я оказалась посреди зимы в джинсах, толстовке поверх футболки и тонкой куртке! Благо, хоть ботинки на мне достаточно теплые.

Вот попала! Не хватало только замерзнуть насмерть в первые десять минут после судьбон...

Я застыла в изумлении, осознав – я все помню! И Харона, и жизнь до встречи с ним!

Но он ведь сказал, что меня ждет забвение!

«Не самые своевременные мысли! Может, спастись будем?».

«Может и будем!».

Я натянула капюшон толстовки на голову и спрятала под ним волосы, застегнула «молнию» на куртке до самого подбородка и засунула руки в карманы. Дважды подпрыгнула, пытаясь хоть немного согреться... и провалилась в снег до колен.

– Да твою же мать!

Бранные слова полились рекой. Я даже не думала, что знаю столько нецензурных выражений! И все они были направлены против Харона.

Я оглядела снежную равнину и заметила вдалеке темную точку. Всмотрелась, напрягая зрение до боли в висках. Кажется, небольшая рожица. Может, строение?

Посреди арктической пустыни... Конечечко!

В любом случае – хоть что-то! Вот только очень уж мое потенциальное укрытие далеко. Я не умела определять расстояние на глаз, но предполагала, что идти мне до него часа два.

Тихий голос в голове шепнул: *не дойду*. Я уже порядком замерзла, а с учетом глубины снежного покрова идти буду медленно, быстро выбиваясь из сил.

Я зло утерла нос и встряхнулась, выпуская холод под капюшон.

– Вперед!

Я выбралась из сугроба, сделала шаг и снова провалилась. Выругалась, когда колючий снег набился в голенище, обжег кожу над носками. Холод начал забираться под куртку.

В голове совершенно некстати всплыли конспекты из времен давно оконченного колледжа. Факультативный курс по оказанию первой медицинской помощи.

Переохлаждение наступает при недостаточной защите от холода, ветра и сырости.

Так, все условия соблюдены!

Наиболее часто оно возникает при длительном пребывании на морозе у заблудившихся, одетых не по сезону людей, выбившихся из сил, истощенных и ослабленных.

Да это же я! Перед шагом в Лиман в меня, вымотанную и морально, и физически, а также совсем не по погоде одетую, сил никто не влил! А когда я в последний раз ела... Память, ты же со мной! Почему я не могу вспомнить?!

Масштабный рабочий проект занимал все мое время. Я проводила в офисе по двенадцать часов в сутки при хорошем раскладе, а недоделки брала на дом. Именно поэтому перед тем, как оказаться в лодке Харона, я, уставшая до смерти, но невероятно довольная нашей командой плелась домой с бутылкой вина – отметить окончание рабства!

Я закричала в бушующее грозой небо:

– Это что, испытание?! Выживу ли я в Арктике с пустым желудком? Достойна мир спастись с ограниченными ресурсами?! Убью, если встречу!

Страх свился в животе тугими кольцами. Я уткнулась взглядом в снег и побрела, пробиваясь сквозь сугробы. А память услужливо вытаскивала из своих глубин давно позабытые факты:

На первой стадии замерзания формируются приспособительные реакции в виде нервно-психического и двигательного возбуждения, усиления деятельности дыхательной и сердечно-сосудистой систем: озноб, двигательная активность, учащение дыхания и пульса, «гусиная» кожа, бледность, мышечная дрожь.

Я подавила стон – все с меня списано!

Меня трясло, зубы дробно стучали, а мышцы медленно и неотвратно деревенели. Сердце колотилось, как ненормальное. Не успевающий согреться воздух обжигал горло и бронхи. В нос и щеки словно множество маленьких иголочек втыкалось. Пальцы на руках замерзли настолько, что, казалось, больше никогда не разогнутся. Но я упрямо пробивалась сквозь снег, игнорируя издевательски серьезный голос в голове:

На второй стадии нервно-психическое возбуждение сменяется заторможенностью, сознание затуманивается, появляется сонливость, общая слабость, усталость, головокружение, головная боль. Речь все еще членораздельная, но тихая и медленная.

Я втянула воздух сквозь зубы, обжигая десны, и упрямо помотала головой. Усталость есть, но оно и не мудрено! Общая слабость тоже присутствует.

Я выругалась и порадовалась – говорила я довольно бодро. Пока что...

***

Сколько я тащилась, сказать наверняка я не могла.

Периодически я поднимала взгляд и машинально радовалась – укрытие приближалось. Я все еще не могла понять, что это. Силуэт менял очертания. То это была пара деревьев, то – небольшой вытянутый дом. Но когда холод пробрался в мозг, стало как-то все равно.

Мысли стали тягучими, как хороший мед. Я с тупым безразличием подумала: *зачем я иду? Очевидно – не доберусь.* Но несмотря на смирение продолжала пробивать окоченевшими ногами сугробы.

Я мотала головой, сбрасывая дрему, но с каждым разом совершать простые действия становилось все сложнее. Я почти перестала ощущать холод. Температура тела сильно понизилась. Губы стали непослушными, нечувствительными, как бывает после анестезии у стоматолога. Страшно хотелось рухнуть в снег, закопаться поглубже и уснуть.

Словно издеваясь надо мной, память услужливо вытащила старые записи лекций и фигурально сунула их мне под нос:

На третьей стадии сознание резко угнетено, речь невнятная, взгляд бессмысленный. Выраженных нарушений гемодинамики и дыхания нет. Кожа синееет, наступает околечение мышц, скованность суставов, кратковременное забытие до потери сознания.

Я попыталась вытащить кисть из кармана, чтобы проверить, разогнутся ли пальцы, но двигаться было слишком тяжело. Даже поднять взгляд на потенциальное укрытие казалось делом почти невозможным!

Погруженная в бессвязные мысли, я начала терять равновесие, принимая как данность – упаду и больше не встану. Сил нет. Да и желания тоже.

Страшно ли мне? Кажется, нет. Больно? Да, было, когда снег оцарапал занемевшее лицо.

Истратив последние силы, я перевернулась на бок, подтянула колени к груди и посмотрела сквозь ресницы на снег. Много-много снега. Моя белая могила...

Эта мысль не напугала. В конце концов все, кого я люблю, либо забыли меня, либо мертвы. А вот эта мысль причинила боль, но не слишком сильную. Только бороться после нее расхотелось окончательно.

Я медленно выдохнула, соскальзывая в блаженную дрему...

...и глухо вскрикнула, когда кто-то бесцеремонно дернул меня за предплечье.

Тело отозвалось острой болью в мышцах и суставах. Пару секунд я не ощущала под собой никакой опоры. Потом меня сильно трянуло, сдавило... и окутало блаженное тепло. Ветер перестал кусать обмороженные щеки. Его злой свист стал тише. Я вяло заворочалась и уперлась головой во что-то жесткое... и горячее!

Радость издала слабый писк и упала в обморок.

От внезапной смены температуры меня забила дрожь, да такая сильная, что пришлось сжать зубы, чтобы не откусить кончик языка. Сквозь гул в ушах я разобрала мужские голоса. Звуки смешивались в бессмыслицу, но я распознала эмоции говоривших, тревогу и злость. И стоило бы мне испугаться, но нервная система решила, что выдержки с нее на сегодня хватит, и отправила страх в нокаут.

Я уронила голову вперед, отметив – я сижу. Судя по крепкому захвату на моей спине и левом боку, меня кто-то обнимает. А судя по кокону блаженного тепла... Укутал во что-то? Заботливый какой. Уже люблю!

Холодный воздух пробрался в капюшон вместе со свистом ветра и мужским голосом:

– Sal sädlís athtár, mǫrǫ.

«Да не вопрос! Главное согрей меня!».

Горячая ладонь прижалась к моей груди чуть ниже ключиц, сместилась влево.

– Sal vahnārán, mǫrǫ. Ahrá vahnár sas.

Продрогшее до костей тело пробил судорога, когда хлынувшее в меня тепло быстро растеклось по мышцам. Пальцы закололо. Лицо словно кипятком окатили. Одежда прилипла к коже. Кажется, даже пар повалил – настолько жарко стало всего за пару секунд!

То, на чем я сидела, качнулось. Суставы отозвались стреляющей болью. Я глухо застонала.

Кажется, меня куда-то несут. И вопрос: «куда?» потерял значимость на фоне того, что я оказалась в тепле. Читай: *спасена*.

– Kharád! Dal, adráh!

Голос мужчины стал громче, звучал резче. Я чувствовала вибрацию виском. Значит, головой я утыкаюсь ему в грудь...

***

Я очнулась, чувствуя легкую тошноту от мерных покачиваний. Разомлевшее тело было вялым. Конечности не слушались. В голову словно ваты набили. Страшно хотелось пить.

Пара секунд мне потребовалась, чтобы вспомнить, где я, и еще несколько, чтобы взять себя в руки и не заорать. Я прислушалась к происходящему вокруг и своим ощущениям.

Снаружи свистел злой ветер, но в моем «коконе» было тепло. Влажные джинсы липли к ногам, в ботинках хлюпало, кисти горели, лицо щипало, а нижняя губа болела – лопнула на морозе. Но мне было... хорошо. И вполне спокойно!

Конечно, это весьма успокаивающие обстоятельства – едва не умереть на заснеженной равнине в другом мире, в который меня отправил сам Харон, чтоб ему икалось до конца всего сущего, а потом оказаться в руках незнакомого мужчины!

От спасителя исходило тепло и легкий мускусный аромат. Он обнимал меня одной рукой поперек спины. Его ладонь покоилась на моем предплечье. Под моей щекой размеренно билось его сердце.

Я осторожно открыла один глаз. Незнакомец закутал меня во что-то большое, мягкое и очень теплое. Я скользнула взглядом по короткому меху, которым был отделан «кокон» изнутри.

Это какая-то одежда. Судя по материалу, длине и размеру – зимний плащ, вероятно, мужской. Может, моего спасителя? А сам он тогда в чем?

Взгляд зацепился за источник слабого света и свежего воздуха, своего рода вентиляционное окошко. Сквозь длинные «перья» меха я разглядела черную одежду незнакомца с серой опушкой на капюшоне... и поняла, что не представляю, что делать дальше.

С одной стороны, мне было тепло, уютно и спокойно! Да, черт возьми! После всего, что со мной произошло, я чувствовала себя в относительной безопасности хотя бы на время! И эта передышка подарила мне прекрасную возможность восстановить силы и все обдумать.

А с другой... Судя по мерным покачиваниям, мы едем на лошади.

Господь всемогущий, сначала лодка, теперь лошадь!..

Куда меня везут? А вдруг засунут в тюрьму и будут пытаться? Попытаются выяснить, как я оказалась на равнине. А вдруг узнают, что я «не местная» и убьют из страха? Вдруг решат, что я для них – угроза?

Нет. Незнакомец не стал бы меня спасать, если бы я хоть кому-то угрожала! Мог просто бросить в снег. Я и так почти умерла.

Отогревшиеся мысли испуганно заметались в голове, и я шикнула на них, пытаюсь понять, что делать дальше – бежать или дожидаться, пока доведут... хрен пойми куда. Сидеть мирно-спокойно в тепле и восстанавливать силы или снова брести в неизвестность через снег по жуткому холоду в мокрой одежде?

Прекрасная возможность получить Премию Дарвина⁶! Я ничего не знаю про мир, в который меня забросил Харон! Да чтоб его лодка утонула!

Я спешно зарылась в память и в очередной раз убедилась, что он что-то сделал не так, толкая меня в Лиман. Я где-то читала, что мозг записывает новую информацию поверх старой, ненужной. И пусть проблемами с памятью я не страдала, у меня сложилось впечатление, что я открыла огромный шкаф СО ВСЕМИ моими воспоминаниями. И это было жутко! Я не только ничего не забыла – я, кажется, могла любой прожитый день вспомнить! Любую прочитанную статью! В чем подвох?

Может, дело в том, что Харон ТОЛКНУЛ меня в Лиман? Что я не сама сделала последний шаг. Или, может, Харон не ошибся, и так задумано? Чтобы я освоилась в другом мире, помня, кто я.

Другой мир... Как бредово звучит!

Я постаралась вытащить из обогатившейся памяти все фантастические сценарии, которые встречала в книгах и фильмах, и осознала наличие очень серьезной проблемы в реальности: спасший меня мужчина говорил на неизвестном языке. Как я буду с ним общаться? А с остальными жителями этого мира?!

Паника накатила душающей волной, и я медленно вздохнула, пытаюсь уговорить ее.

Ладно, хорошо, что память со мной.

А может, я начну терять ее постепенно?

От этой мысли стало по-настоящему дурно. Одно дело – потерять воспоминания разом и не мучиться! Ты просто не знаешь, что должен страдать, утратив что-то немислимо ценное. Но совсем другое – засыпать, не представляя, что ты забудешь, проснувшись!

Я мысленно перебрала лица родственников, друзей, коллег. Тоска больно ужалила сердце, и я громко выругалась в адрес Харона. И застыла сусликом, когда обнимавшая меня рука ощутимо напряглась.

Незнакомец услышал мою брань и понял, что я в сознании.

---

⁶ Виртуальная антипремия, ежегодно присуждаемая лицам, которые наиболее глупым способом умерли или потеряли способность иметь детей и в результате лишили себя возможности внести вклад в генофонд человечества, тем самым потенциально улучшив его.

– Mǫrí vürfaaís.

На этот раз его голос звучал тихо, и в нем я распознала облегчение.

Мёри... Это слово я уже слышала. Кажется, так он ко мне обратился, когда из сугроба вытащил. А что значит второе слово? *Очнулась*, да?

Иностранные языки давались мне с трудом, но я упорно зубрила их – по долгу работы приходилось общаться с клиентами из других стран. Я всегда радовалась, что на моем родном языке говорит почти полтора миллиарда человек. Но знают ли его здесь? Маловероятно...

Второй мужчина заговорил, и у меня чуть мозг не заклинило от обилия грубых звуков.

– Lüsaráh, ah salé kahtahrí?

Какой ужасный язык! Каждый звук словно бьет меня по лицу!

– Ah lüs? Ah hisaráh, sáh hrafaft sár?

Я поморщилась, страстно желая прочистить ушные каналы и искренне недоумевая – как крепятся челюсти мужчин к их черепам, раз они могут выговорить ТАКОЕ?

Раздался смех. В отличие от речи, он был мелодичным. Я замерла, вслушиваясь в приятные звуки, и едва не получила очередную акустическую травму.

– Dal, daaráh, pütöt!

– Mar kassaáh!

Уже несколько мужчин смеялось. Судя по голосам, их было трое. В мозгу зажглось неумное любопытство. Я потянулась к зазору в «коконе» и тут же уткнулась лбом в грудь мужчины, когда перед глазами возникли затянутые в черную перчатку пальцы.

Холодный воздух, проникший под плащ, приятно остудил горящее лицо.

– Ah mǫrí?

Что ж, я оказалась права. Это *мёри* – обращение ко мне. Ура...

Ладонь незнакомца осторожно прошла по моей руке до плеча.

– Sal vahnáran. Sas malt tühār.

Его голос звучал ласково, и даже жуткий набор звуков не резал слух. Знать бы еще, что он говорит. Судя по интонации, пытается успокоить.

Я медленно повернула голову и наткнулась на дружелюбный взгляд мужчины.

Нижнюю часть его лица до самых глаз скрывала черная повязка. Из-под капюшона с меховой опушкой выбились пряди каштановых волос. В густых ресницах, какие природа дарует лишь представителям сильного пола, запутались снежинки. На первый взгляд – мужчина как мужчина, ничего необычного... если бы не его ярко-желтые радужки с россыпью бронзовых искр ближе к зрачку.

– Ah am vasahtü im zült?

Его глаза невероятного цвета сузились, а от их уголков к вискам протянулись морщинки – мужчина улыбнулся.

Я обреченно выдохнула:

– Я тебя не понимаю.

Мой спаситель замер. В межбровье залегли глубокие складки, выражая его озадаченность. Он отстранился, посмотрел на спутников, медленно покачал головой и снова склонился ко мне.

– Ah assthá sepaaráh?

– Я не понимаю.

Густые брови мужчины поползли вверх, глаза округлились, а радужки...

Я даже моргнула несколько раз, чтобы убедиться, что мне не показалось!

Насыщенная желтизна осенней листвы замешалась с бронзой и растеклась по белкам расплавленным золотом. Глаза засветились, бросая отблески на скулы.

Желудок сделал виртуозное сальто и рухнул в пятки. Я открыла рот, но не смогла выдать ни звука.

Незнакомец нетерпеливо махнул рукой, подзывая спутников, и медленно спустил черную повязку на шею.

Он оказался красавчиком. Мужественное лицо, мощная челюсть с четким абрисом, нос с небольшой горбинкой, широкие резные скулы, темная щетина на щеках и волевом подбородке, тонкие губы с яркими границами. В золотых глазах – удивление вперемешку с растерянностью.

Я попыталась выпрямиться. Затекшее тело отозвалось болью в суставах и мышцах, и я поморщилась. Незнакомец угадал мои намерения, помог сесть и стянул с моей головы капюшон. Холодный ветер тут же обжег лицо и растрепал волосы, ловко юркнул под воротник толстовки. А когда я свесила ноги, схватил острыми пальцами икры под влажными джинсами.

Я оказалась права – мы путешествовали по все той же арктической пустыне верхом. Черные лошади с заплетенными в косы гривами, укрытые попонами почти до земли, показались мне неправдоподобно большими. Я вгляделась в морду ближайшей и застыла, задавив изумленный возглас. Вероятнее всего – нецензурный.

Из-под верхней мохнатой губы животного торчали желтые клыки, а глаза были насыщенного рубинового цвета. И тоже светились!

Это какая-то особенность местных живых организмов – светящиеся глаза?!

– Mǫrí, avalés in áksast khar!

Я перевела взгляд на подъехавших к нам мужчин, с трудом сдерживая дрожь волнения. Страх почти не было – видимо, он все еще был в обмороке.

Спутников у моего спасителя было двое. Объемные плащи укрупняли их фигуры, но что-то подсказывало, что всадники и без них отличались немалыми габаритами. Нижняя часть их лиц была скрыта от ветра и мороза черными повязками, а глаза прятались в тени капюшонов. Один прижимал к груди зажатый в кулаке кинжал с изогнутым клинком в полторы ладони длиной. За плечом другого виднелась рукоять меча.

Сердце застучало быстрее, сбиваясь с ритма.

Я что, стала героиней средневекового романа? Куда, черт возьми, Харон меня засунул?!

– Ah mǫrí?

Я повернулась к бережно обнимавшему меня мужчине. Он подал мне кожаный мешок с пробкой... Флягу! Ну точно средневековье!

– Ah hisaráh a bër?

Я с опаской посмотрела на подношение.

– Я не понимаю.

Он успокаивающе улыбнулся и сделал глоток из фляги.

– Bër.

– А-а-а... Пить. *Bër* значит *пить*. Да. Хочу.

Я сделала несколько глотков и блаженно зажмурилась, наслаждаясь вкусом воды.

– Ah kās malt lāshráh?

Я взглянула на мужчину, вытирая губы, но обращался он не ко мне.

Всадники обменялись напряженными взглядами – их глаза замерцали в тени капюшонов – и одновременно ответили:

– Daá.

И что-то было такое в их голосах, что мне захотелось плакать.

***

Довольно долго мы ехали, сохраняя молчание.

Теперь я сидела в седле, как типичный наездник, прижимаясь спиной к груди незнакомца и наслаждаясь исходившим от него теплом даже через два толстых плаща. Он обнимал меня одной рукой за талию, а второй держал свободно повисшие поводья.

Ветер постепенно стихал и наконец перестал бросать нам в лица пригоршни снега. Арктической равнине это привлекательности не прибавило, но видимость стала идеальной до самого горизонта. Плохо, что разглядывать было особо нечего – панорама представляла собой бесконечные снега. А потому я украдкой рассматривала наш необычный транспорт.

Глаза были не единственной особенностью местных лошадей. У них было по шесть ног, а между ушами загибались небольшие рожки. Они действительно оказались гораздо крупнее привычных мне скакунов, а их тела были более вытянутыми. Под черными шкурами перекачивались мощные мускулы. Снежинки таяли, лишь коснувшись шерсти. Видимо, температура тел лошадок тоже была значительно выше. Я хотела проверить, даже протянула руку, чтобы коснуться шеи нашего скакуна, но так и не решилась. Один из мужчин заметил это и мелодично засмеялся кивая.

– Dal!

Видимо, разрешал. Но я вымученно улыбнулась и покачала головой.

Повязки остальные всадники так и не стянули, и их лица я рассмотреть не смогла, но глаза...

Что-то не так с обитателями этого мира. Их радужки чересчур яркие! У всадника с кинжалом – ярко-зеленые, как молодая листва. У всадника с мечом – ярко-голубые, как небо в солнечный день. В моем мире, чтобы добиться такого насыщенного цвета, носят специальные линзы.

В моем мире... Это что, выходит, в этом мире мои обычные глаза – особенные?

Я закуталась в плащ и спрятала нос в меховой опушке. Ладонь на моем животе напряглась. Мужчина склонился к моему уху и, судя по интонации, спросил:

– Ah sal cadaaráh, mǫǫí?

И тут же с досадой воскликнул, едва не оглушив меня:

– Mar pütöt! Malt lāsairá!

Всадники засмеялись. Зеленоглазый поравнял с нами скакуна и повторил вопрос:

– Ah sal cadaaráh, mǫǫí?

Он обнял себя руками и повел плечами. Я озадаченно нахмурилась, и он сказал с нажимом:

– Cad.

И повторил странный ритуал. Я задумалась на секунду, а потом протянула:

– А, кад значит *мерзнуть*? Нет.

И отрицательно помотала головой. Всадник повторил за мной:

– Нет.

Он повернулся к голубоглазому и что-то ему сказал. Тот стянул повязку на шею. Я невольно вздохнула.

И этот красавчик, каких поискать. То, что он моложе моего спасителя, было очевидно несмотря на то, что темная щетина на щеках прибавляла ему пару лет. Его лицо было не таким мужественным. Скорее оно было изящным – более вытянутое и не такое широкое, губы полнее, нос – уже и длиннее, а скулы – выше и острее. Взгляд был пристальным, но не настороженным, а заинтересованным.

Он подался вперед и переспросил со смешным акцентом:

– Ah *ниёт*?

И помотала головой. Я робко улыбнулась и кивнула.

– Да.

И тут же поморщилась. Всадники весело засмеялись.

Я смущенно хмыкнула и сказала:

– Нет.

Помотала головой. Голубоглазый повторил:

– *Нет. Nin.*

И тоже помотал головой. Я тихо повторила за ним:

– *Нин.*

И отрицательно мотнула головой. Он радостно улыбнулся и активно закивал.

– Даа́.

– *Даа́.* Почти как у нас. *Даа́.*

Чтобы выделять ударения, как это делали мужчины, приходилось широко открывать рот. Я потерла челюсть, бездумно отмечая, что она немного ноет. А я лишь два слова сказала! Как я буду разговаривать на их убийственном языке?

– Ah mōrī?

Я взглянула на всадника с кинжалом. Он стянул повязку на шею, и я даже не удивилась – тоже красавчик, как и его товарищи. С них будто все герои любовных романов были списаны!

Его лицо было открытым, улыбка – нежной и немного грустной. У него были такие же густые брови и шикарные ресницы, как и у его товарищей, такие же высокие скулы. Но остальные черты лица были более плавными, из-за чего мужчина казался... мягким. Ласковым. Теплым, уютным. Многодневная щетина совершенно ему не шла, добавляя внешности неуместную грубость.

Если бы меня попросили описать всадников ощущениями, про желтоглазого я сказала бы: ему хочется довериться. В нем чувствовалась надежность и уверенность в своих решениях и действиях. С голубоглазым хочется провести вечер за высокоинтеллектуальной беседой – его прямой взгляд рисовал образ спокойного, рассудительного и умного человека. А зеленоглазого страшно хотелось обнять и не отпускать. Такие люди, как он, располагают к себе одним добрым взглядом. А как-то иначе они смотреть не умеют.

Всадник с кинжалом прижал руку к груди.

– Saík im zurá salé...

Выдержал паузу и по слогам произнес:

– Dra-há Da-ár.

Потом указал пальцем на всадника с мечом.

– Suó im zurá salé Aík Da-ár.

Я ахнула.

Это их имена! *Зура́* – это *имя*!

Всадник указал на удерживавшего меня в седле мужчину.

– Suó im zurá salé Gar-dáh Daár.

Я тихо повторила, выделяя ударение:

– Все *Даар*... Братья, что ли?

Голубоглазый радостно улыбнулся.

– Daár, daá. Aík Daár.

– Аи́к Даар.

Я взглянула на зеленоглазого.

– Драха́ Даар.

Посмотрела поверх плеча на третьего всадника. В его желтых глазах плясали бронзовые смешинки.

– Гарда́х Даар.

– Ah saís im zurá, mōrī?

Я помедлила пару секунд, отмечая – каждый вопрос в их языке начинается с *ах* – потом прижала ладонь к груди и ответила:

– *Зура́*... Дана Торрес.

Собственное имя показалось простоватым в сравнении с именами всадников. Я повторила, скользя по ним взглядом:

– Аик, Драха и Гардах. Вот и познакомились.

Мужчины переглянулись и засмеялись. Я озадаченно нахмурилась – неужели их имена в моем исполнении звучат так смешно?

Аик повернулся ко мне.

– *Dána Tóræs, áhrinar...*

Он повел ладонью, указывая на себя и спутников. Значит, *áhrinar* – это *мы*?

Вот уж редкостный «ахринár» со мной приключился в виде всего этого мира!

– ...*sarimás muduá...*

Он указал пальцем на свою улыбку, и я медленно кивнула. *Sarimás muduá* значит *рады*. Или что-то похожее по смыслу. В любом случае – ничего страшного.

– ...*sas varimás kal!*

Аик, не глядя, протянул руку Драха, и тот обхватил его предплечье пальцами. Я хмыкнула. *Sarimás... Varimás...* А последние слова, видимо, означают... *поздороваться? Познакомиться?* И как сказать, что я тоже рада?

Я замаялась, а потом повернулась и протянула руку Гардаху. Он раскатисто рассмеялся и обхватил мое предплечье, осторожно сжал и отпустил. Я повернулась к Аику и протянула руку ему. Он подъехал ближе на своей жуткой лошади и с улыбкой сжал мое предплечье. Я посмотрела на Драха. Он кивнул и мелодично рассмеялся.

Еще бы...

Хорошо, теперь я знаю их имена. Не забыть бы. А еще неплохо было бы привыкнуть к тому, что эти красивые мужчины постоянно смеются надо мной. Беззлобно, конечно, но все равно немного обидно...

***

Мы ехали целую вечность. Мои глаза слипались от усталости, а живот урчал от голода. Я пару раз просила у Гардаху флягу волшебным словом *бёр*, но показать, что голодна, не решилась. Да и не могла придумать, как это сделать.

Когда стемнело, я погрузилась в беспокойную дрему, прижавшись спиной к груди всадника и млея от его тепла. Сквозь сон услышала, как Аик издал тихий клич. Его лошадь всхрапнула.

Когда я разлепила ресницы, фигура всадника была уже далеко. Его место рядом с нами занял Драха, снова натянувший повязку на нос. Мы встретились взглядами, и его необычные глаза красиво замерцали, словно листва, обласканная солнечными лучами.

– *Dal sünaráh, mörí.*

Я лишь вздохнула в ответ и снова уснула, утомленная ужасными приключениями и долгой поездкой. И заснула так крепко, что не почувствовала, как меня сняли с седла...

Глава 3

Проснувшись от настойчивых позывов мочевого пузыря, я несколько секунд пыталась понять, почему над моей головой снег. Да не просто снег, а целый снежный потолок!

Стало жутко стыдно. Это сколько я выпила и в каком сугробе усну...

Воспоминания ворвались в голову хороводом картинок и не выражаемых в культурных словах эмоций. Я резко села и застонала от боли в пояснице.

Ивент-менеджеру, которым я была до нежеланного знакомства с Хароном, приходилось много времени проводить на ногах. Но так долго блуждать по снегу и тем более путешествовать верхом – никогда! Странно, что после скитаний по арктической равнине я не простудилась, не маюсь в горячечном бреде и не выплевываю легкие в приступах жуткого кашля. Только мышцы и суставы болят.

Вопрос: «что будем делать дальше?» снова тревожно зазвенел в голове. И ответ на него был тот же: поедем с всадниками. А какой у меня выбор? Кажется, зла они мне не желают, хоть и потешаются над моими попытками говорить на их языке.

Я оглядела небольшое помещение, в котором проснулась. Стены, пол, потолок, даже застеленная пепельно-серыми лохматыми шкурами «кровать» – все было из снега. В небольшое окошко под потолком проникал утренний хмурый свет. Было довольно тепло, и это не могло не радовать.

Распахнув плащ, я обнаружила себя полностью одетой, и одежда оказалась сухой. Хотя в дороге, когда начало темнеть, я зябко подтягивала ноги, пытаюсь укрыть плащом влажные джинсы...

Кто-то из всадников снял с меня ботинки, и они стояли возле «кровати». Я дотянулась до правого, сунула руку в голенище и хмыкнула – сухой. Очень странно, вчера там явственно хлюпало. Как стоявшая на снежном полу обувь высохла?

Вдруг вспомнилось живительное тепло, хлынувшее в мою грудь из ладони Гардаха... если это, конечно, мне не померещилось. Чутье подсказывало, что нет, хотя мой мозг и не мог объяснить это с ходу. Какие-то карманные технологии обогрева у всадников с кожаными флягами, мечами и кинжалами? Ха-ха...

Вообще не смешно.

Я внимательно осмотрела обмороженные руки. Кожа покраснела и сильно шелушилась. Суставы противно ныли. Я осторожно прошлась кончиками пальцев по лицу – припухло и тоже шелушится. Вокруг губ появилась «бахрома».

Да уж, вид у меня сейчас совсем непрезентабельный. Обидно вот так начинать путешествие по новому миру.

Я никогда не отличалась запоминающейся внешностью. Среднего роста, с совершенно неспортивной фигурой и десятком фунтов лишнего веса, с каштановыми волосами и карими глазами я всегда была... середнячком. Самой обыкновенной девушкой, каких сотни на милю в любом густонаселенном городе. Да, симпатичная, миловидная. Кто-то считал меня красивой. В мои тридцать три мало кто давал мне больше двадцати восьми. Но все же я всегда была довольно обычной. Типичной.

В офис и на организованные нашей компанией мероприятия одевалась дорого и стильно, делала укладки и макияжи, маникюр, педикюр и другие процедуры, которые ожидают от ухоженной женщины на должности руководителя команды по организации фешенебельных мероприятий. Но в остальное время я закручивала волосы в «шишку» на затылке и не вылезала из джинсов и толстовок, смертельно уставая от неудобной рабочей «обертки». Повезло, что Харон выдержал меня не с какого-нибудь банкета в юбке и шелковой блузке, а по пути домой из супермаркета...

Натянув ботинки и подхватив полы чересчур длинного плаща, я осторожно выглянула в дверной проем в одной из стен и обнаружила похожую на мою комнату. На выстеленной шкурами «кровати» спиной ко мне спал кто-то из всадников. Я на секунду залюбовалась серебряной вышивкой на черной ткани плаща, в который он укутался – дракон в окружении замысловатых узоров – и попыталась тихонько пройти к следующему дверному проему. Но мужчина зашевелился. Спустя пару секунд я встретилась взглядом с Аиком.

Он сонно улыбнулся, посмотрел в небольшое окошко и недовольно поморщился. Взъерошил и без того растрепанные каштановые волосы и обратился ко мне, приложив раскрытую ладонь тыльной стороной ко лбу, а потом прижав к сердцу кулак:

– *Да́на!* Avalés in áksast khar. Ah am vasahtü im zült?

Я тяжело вздохнула и развела руками. Только одно слово помимо имени было мне понятно – *ах*. Он о чем-то меня спросил.

Я указала на проем и изобразила пальцами шаги.

– Мне нужно... выйти на улицу.

Что-то подсказывало, что в доме вполне может обнаружиться помещение, чтобы справиться нужду, но делать это при незнакомых мужчинах без двери не хотелось от слова совсем!

Аик мигом поднялся на ноги, оправил плащ и кивнул. Видимо, собирается сопровождать меня. И как объяснить, что мне нужно в туалет и компания не требуется?

– *Нин*.

Я прижала кулак к губам и изобразила несколько глотков. Аик тут же потянулся к фляге, висевшей у него на поясе под плащом, но я помотала головой.

– *Нин!* Я не хочу... *бёр*, не хочу! Я хочу...

Я провела ладонями по лицу и тут же вспомнила, как выгляжу. Смущение обожгло щеки – мой собеседник очень красив, а я...

«Господь всемогущий, да о чем ты думаешь? Покажи, что тебе нужно, как сделала бы это в своем мире, общаясь с иностранцем».

«Сказала бы “уборная” на родном мировом языке!».

Я снова прижала кулак к губам, изобразила глоток и указала руками на живот. По лицу мужчины разлилось смятение. Он изогнул бровь и медленно покачал головой.

– Да как же... Как же... А!

Под недоумевающим взглядом Аика я скрестила ноги, прижала ладони к паху и пару раз неглубоко присела, проклиная ноющую поясницу. Всадник округлил глаза... и расхохотался, запрокинув голову. Я раздраженно уперла руки в бока.

– Аик! Прекрати смеяться! Мне нужно в туалет!

Он помотал головой и выставил перед собой раскрытую ладонь. Видимо, я СЛИШКОМ сильно его рассмешила – просит дать ему время успокоиться!

– Да чтоб тебя!

– Avalés in áksast khar, mōrī. Ah am vasahtü im zült?

Я повернулась к вошедшему в комнату Драха. Он отвел кулак от груди, глядя на нас с Аиком по очереди. Я мысленно застонала – теперь ему показывать придется! И он тоже хохотать начнет.

– Мне нужно на улицу!

Я указала на дверной проем и изобразила пальцами ходьбу. Драха медленно кивнул, посматривая на товарища с удивлением.

– Dal, kasráh.

– *Нин!* Я пойду одна!

Я продемонстрировала ему указательный палец, ткнула себя им в грудь и указала на проем, снова изобразила ходьбу.

– Одна!

Драха перестал улыбаться, когда мой голос зазвенел от раздражения, и перевел взгляд на Аика. Я внутренне сжалась, хотя на лице всадника не было ни намека на злость. Только смятение.

Аик что-то буркнул, не отнимая рук от лица. Драха воскликнул и понимающе улыбнулся.

– Ah hisaraáh a pis? Dal, kasráh!

Я смерила Аика мрачным взглядом. Он все понял! И это *пис* точно значит *писать*!

– Если бы ты понимал меня, я столько всего высказала бы!

Аик снова рассмеялся, да так заразительно, что я выдохнула... и согнулась пополам в приступе хохота, представив, какую картину ему только что пришлось наблюдать. Мочевой пузырь отозвался на мои телодвижения недовольством и слабой болью. Я тут же прижала руку к животу, скрестив ноги уже по необходимости, и взглянувший на меня Аик едва не задохнулся от смеха.

– Mar mōrí!

Он рухнул на «кровать», махнув Драха рукой. Тот вопросительно посмотрел на меня.

– Ah kasráh?

Посмеиваясь, я вытерла глаза и кивнула.

– *Касра́х, касра́х*. И побыстрее, если можно.

Драха радостно заулыбался, услышав родную речь, и поспешил к выходу. А я помчалась за ним, запоминая: *касра́х* значит *идем*.

***

Всадники накормили меня вяленным мясом и сыром и угостили приторным вином, от которого по всему телу разлилось блаженное тепло, а сознание немного затуманилось. И пусть у мяса был странный сладковатый привкус, а сыр был чересчур твердым и жевался со значительными усилиями, я поймала себя на мысли, что ничего вкуснее я еще не ела! Я так громко урчала за едой, что мужчины смотрели на меня, разинув рты. И смеялись...

После трапезы мы покинули укрытие. Мне показалось, что на улице потеплело, и я даже обрадовалась свежему воздуху. Хотя, может, дело в том, что я отдохнула и плотно поела?

Небо до самого горизонта заполонили тучи. Серо-синие гиганты ворочались, толкая друг друга, и грозили обрушиться на нас очередной снегопад. Одинокий дом на фоне бесконечной арктической равнины смотрелся жутко – словно оплот маньяка, в который обязательно забредет кучка потерявшихся туристов.

Я окинула взглядом ровные стены без единого шва. Строение словно было вырезано из огромного монолитного куска снега или выстроено прямо в сугробе. Но уровень потревоженного ветром белого покрова вокруг него был значительно ниже. Очень странно.

Я приближалась к скакунам, с опаской поглядывая на желтые клыки. Животные мирно сопели и прядали ушами, будто отгоняя надоедливых насекомых. Но стоило мне приблизиться, троица рогатых монстров синхронно подняла морды. Рубиновые глаза засияли, расплескивая по черным шкурам потеки багрового света.

Сердце уже привычно ринулось в пятки, а в голове застучало: это невозможно, это просто невозможно! Так не бывает! Глаза не могут светиться!

Драха подхватил меня под локоть, когда я испуганно замерла в десяти шагах от скакунов, и медленно подвел к одному из них. Так же медленно положил мою ладонь на черную шею, накрыл своею и провел до попоны, расшитой белыми и серебристыми узорами. Я невольно сглотнула, перебирая пальцами короткую жесткую шерсть.

Вопрос: «как они не мерзнут с такой тонкой шкурой?» снялся с обсуждения моментально – местные скакуны были гораздо горячее наших. Настоящие шестиногие обогреватели!

Шестиногие... Твою ж...

Животное выдохнуло облачко пара и мотнуло головой, словно приветствовало наездников и одобряло ласку. Заплетенная грива разметалась по мощной шее, сверкая крупными бусинами. Я подхватила одну косичку, погладила круглое украшение, любуясь изящной резьбой. Какие-то символы...

– Ah mōri?

Я взглянула на Драха. Он кивнул на скакуна и похлопал по вытянутому седлу из черной потертой кожи.

– Ah adráh?

Касра́х – это *идем*. А *адра́х* значит *забирайся*? Или что?

Я глянула поверх плеча на Гардаха. Он уже сидел верхом на лошади и наблюдал за нами, с лукавой улыбкой поправляя щекочущую губы опушку. Аик закреплял объемную седельную сумку, пряча улыбку в тени капюшона.

Да что с ними не так?! Они либо улыбаются, либо смеются! Постоянно!

Я повернулась к Драхе, ткнула себя пальцем в грудь, указала на него и на лошадь. Он пожал плечами и кивнул на Гардаха. Вполне понятно – решай сама, с кем хочешь, с тем и поедешь.

– Даа́, поехали.

Я примерилась к высокому стремени, не представляя, как засунуть туда ногу, но сделать ничего не успела – мужчина схватил меня за талию и в мгновение ока усадил в седло.

Вот это силища! Один из сугроба рывком вытаскивает, другой забросить может на шкаф!

Я вскрикнула от неожиданности и, потеряв равновесие, вцепилась в густую гриву лошади. Та повернула морду в попытке посмотреть на меня... и зарычала! Раскатисто, басовито, как хищник, готовый к атаке.

Аик и Гардах расхохотались, а Драха успокаивающе похлопал скакуна по шее и пробормотал ему в ухо:

– Dal, piharáh!

Потом посмотрел на меня и прижал ладонь к груди.

– Mar kahümán, mōri! Sas hrafáht.

Я поняла по немного смущенной улыбке – извиняется, подумал, что напугал. Значит, *мар кахумáн* – это *извини*?

Господь всемогущий, как же мне не хватает блокнота с ручкой! Я не успеваю запоминать новые слова! А еще лучше было бы найти словарик! Или онлайн-переводчик...

– *Нин*, все... хорошо.

Я показала ему кулак с оттопыренным большим пальцем. Глаза Драха округлились. Он посмотрел на спутников, и те синхронно пожали плечами, поглядывая на меня с недоумением. Я быстро опустила руку, осознав – либо в этом мире такой жест не используют, либо... он означает что-то совсем другое.

Я прижала ладонь к груди.

– Драха, все хорошо... *Мар... кахумáн!*

Он тепло улыбнулся и поправил меня:

– Kahümán, mōri. Ka-hü-mán.

– *Даа́, кахюма́н.*

Всадники радостно засмеялись, а я отвернулась, пряча пылающее лицо и делая зарубку в памяти – быть осторожнее с жестами. Так обидишь собеседника ненароком... Убежишь ли потом?

Драха ловко забрался в седло и устроился позади меня. Я почувствовала себя крошечной, когда большая ладонь надавила на мой живот, заставляя прижаться лопатками к груди мужчины – какой же он... крупный!

Гардах поймал мой взгляд.

– Ah adráh?

И указал на лошадь.

Ага. *Касра́х – идем, адра́х – едем.* Во множественном числе. Отлично!

Вместо меня ответил Аик:

– Dal, adráh.

Даль. Это я уже слышала. Звучит как побуждение к действию вроде нашего «*давай!*».

Как же мне нужен переводчик...

***

Мы пересекали снежную равнину целую неделю и каждую ночь проводили в абсолютно одинаковых снежных домах.

Каждый вечер с наступлением сумерек Аик подгонял скакуна и уезжал вперед, видимо, чтобы проверить место ночлега. Как сообщал остальным всадникам, что там все в порядке, я не понимала. Мы подъезжали к очередному дому уже в кромешной темноте.

Аик был единственным, кто не брал меня в седло. Я не настаивала – Драха и Гардах везли меня по очереди. Просто отметила, что он сам ни разу не предложил, а попроситься к нему я стеснялась. Да и не рвалась особо – его огромный меч немного пугал меня.

Однообразный пейзаж вгонял в депрессивное состояние. И пусть ветер смилостивился и перестал хлестать меня по обмороженным щекам, снегопады не замедляли наше путешествие, а всадники и кони служили неплохими обогревателями, мне было невыносимо тоскливо.

Когда в один из дней на горизонте показались темные силуэты, растянувшиеся на несколько миль, я радостно улыбнулась. Заметивший мою реакцию Гардах усмехнулся, но и в его взгляде читалось облегчение. Видимо, не мне одной надоел бесконечный снег.

А может, это означает, что наше путешествие подходит к концу? Я пока не знала, радоваться или начинать бояться. Страх все еще был в глубоком обмороке.

Темная линия оказалась лесополосой. Я вспомнила меняющийся очертания силуэт, который увидела, оказавшись в этом мире, и внезапно поняла – это была эта троица всадников на необычных скакунах. И мы двигались навстречу друг другу...

Они заранее знали, что я окажусь здесь? И если да, откуда? Приехали специально, чтобы спасти меня? И как разыскали в арктической пустыне? Неужели Харон всех в одно место скидывает, предварительно сообщив координаты местным?

Я вспомнила молнии, разрывавшие небо над моей головой. За прошедшую неделю гроз не было... Да и какая гроза зимой?! Может, это сигнал Харона? И по нему они меня и нашли...

Вопросов было много, а ответов – ни одного. И как выведать их у спутников я не знала.

Я вспомнила искреннее недоумение на их лицах, когда они поняли, что я не знаю их язык. Может, до меня здесь оказывались иномиряне, которые понимали язык всадников? Наверняка я не первая, кого Харон через Лиман сюда скинул. Что он там говорил про меня?

Голос в голове послушно прошелестел: *тебя ждет великая судьба, этот мир очень давно ждет тебя, они намерены уничтожить его.*

По спине побежали мурашки. Кто такие эти «они» и почему хотят уничтожить мир, Харон не сказал. Как и не объяснил, что за судьба меня ждет. Пока что ясно было одно – я должна этот мир спасти.

Ну и задания в его чертовом квесте для игроков начального уровня!

Ладно, чтобы выполнить его, нужно обладать информацией. Для начала – хотя бы ответами на уже возникшие вопросы. А чтобы получить их, нужно полноценно общаться с всадниками.

Для этого я понемногу учила их язык, безудержно повторяя и старательно запоминая каждое слово, в значении которого была уверена. И пусть моя память внезапно обогатилась на

воспоминания из прошлого, новые знания удерживались в голове с большим трудом. И не из-за моей слабой способности усваивать иностранные языки! Знаниям словно что-то мешало. Словно для них не было места.

Я пыталась разговаривать с всадниками. В первые дни челюсть нещадно болела, но постепенно привыкла, и язык больше не казался отвратительно грубым. Произношением он походил на смесь немецкого и турецкого, а грамматикой – на итальянский и французский.

Всадники подсказывали и поправляли, когда я допускала ошибки, делали акценты на ударениях и произношении. Видимо, в их языке есть слова, которые немного различаются звучанием, но обозначают разные вещи.

Я узнала, что всадники называют себя *мьари́вами*, но не представляла, как это переводится. Зато отметила, что это слово созвучно с обращением ко мне, которое правильно произносилось как *мьори́*.

Я уже могла правильно попросить воду, еду и отдых, поблагодарить забавным словом *мюрика́с* и выяснила, что *Авалэ́с ин а́ккаст кхар* – это приветствие, как-то связанное с небом. Приветствуя друг друга и меня, мужчины сначала прижимали раскрытую ладонь ко лбу, а потом кулак к сердцу. Когда я сделала так же, они смеялись. Громко и радостно.

Вопросом: *ах ам васахтjó им зjóльт?* они интересовались, как у меня дела. Странно, но отвечать на него нужно было *даа́*, если все хорошо, и *нин*, если плохо. Я всегда говорила *даа́* несмотря на то, что чувствовала себя отвратительно. Просто как сказать: «нормально» или «средне» я не выяснила. Всадники обменивались озадаченными взглядами, когда я пыталась объяснить это жестами. Казалось, что в их языке просто нет такого понятия, словно дела могли идти либо отлично, либо... никуда не идти, потому что ты – труп.

Из крайности в крайность...

Но как бы ни были заняты мои мозги новым миром, языком и спутниками с неестественно яркими глазами, по ночам, уткнувшись носом в меховую опушку плаща, я оплакивала оставленную за гранью жизнь. Перед взглядом проносились лица родных и близких, и я горевала и ругала Харона всеми известными бранными словами. И, кажется, даже немного мечтала потерять память.

Оставшись наедине с собственными мыслями, я жалела себя из-за утраты, жуткой боли в пояснице и шее, ноющих суставов, обветренных рук и лица. Я упивалась жалостью, прекрасно понимая – это нужно прожить. Нельзя таскать горе в себе. Оно разрастется, заполнит тебя до краев и уничтожит, когда ты будешь наименее защищен от него.

По утрам всадники улыбались, делая вид, что не замечают мои красные, опухшие из-за пролитых слез глаза. Они разговаривали со мной ласково, терпеливо объясняли, когда я не понимала их, и везли... непонятно куда.

Чем ближе мы были к лесополосе, тем теплее становился воздух и меньше было снега. Иногда я замечала черную землю в прогалинах и искренне недоумевала – неужели за неделю наступила весна? Или мы едем туда, где теплее, чем в том адском местечке, где я оказалась с костлявой руки Харона?

Не мог чуть ближе к теплу скинуть, сволоочь?!

На восьмой день пути от все еще далекой лесополосы отделилось три точки. Они двигались в нашу сторону, и я разволновалась. Но, увидев искреннюю радость в глазах спутников, немного расслабилась. Видимо, они знают, кто к нам едет. И когда ближе к вечеру три точки оформились в фигуры всадников, Аик прищпорил *кайдаха́ра* – так назывались существа, на которых мы путешествовали – и умчался прочь.

Я посмотрела поверх плеча на Гардаха. Он улыбнулся, почувствовав мою тревогу.
– Piharáh, mōrí. Sal vahnārán.

Я согласно кивнула, поняв лишь *пихара́х – успокойся* – и посмотрела вслед Аику. Вечер вылил на мир сумрак, скрывая от взгляда молодого всадника и тех, кто ехал ему навстречу.

***

Я изумленно моргнула, когда прямо перед нами из темноты возникло строение из снега. Я могла поклясться, что на просматриваемой и уже не настолько заснеженной равнине увидела бы его! Откуда оно взялось?

Глядя на обнятые ночью бесшовные стены, я лишь сейчас задумалась – если на улице беспроглядная тьма, почему в доме, где нет ни единого источника света, не так?..

Нам навстречу вышел Аик в компании незнакомого мужчины. Тот сразу направился ко мне, приветливо раскинув руки, а я застыла в изумлении.

Нет, ладно. Ярко-зеленые, ярко-голубые и даже желтые глаза – для меня это было близким к норме явлением. Но ярко-красные, мерцающие в темноте раскаленными углями, роняющие багровые отсветы на скулы...

– Mar mōrí! Avalés in áksast khar! Ah am vasahtü im zült?

Мужчина выполнил нехитрый ритуал приветствия и протянул руки, чтобы помочь мне слезть с кайдахара. Гардах мягко толкнул меня в спину, и я выдавила:

– Даа́. Авалэс ин áксаст кхар, мьарив. Ах ам васахтү им зюльт?

– Даа́!

Красные глаза полыхнули, как костер, в который плеснули бензина. Я вспомнила, как однажды белки Гардаха заполнились жидким золотом. Это ни разу не повторилось за прошедшую неделю, но... Видимо, это тоже норма в этом мире? Значит, бояться нечего?

Вот же... Чертов Харон!

Проклинать божество прочно вошло в привычку...

Большие ладони обхватили мою талию и потянули. Я невольно вздрогнула – этот мужчина был гораздо горячее Гардаха. Обжигающе горячий на контрасте с уличным морозом!

Едва я оказалась ногами на земле, красноглазый обменялся неразборчивыми фразами с товарищами и повел меня в дом. Я вошла внутрь и повернулась, чтобы разглядеть его лицо и вздрогнула во второй раз.

Несмотря на то, что он радостно улыбался, его лицо добродушным или хотя бы приветливым назвать было крайне затруднительно. Наоборот – именно так в книгах описывают злодеев.

Из-за того, что густые брови нависали над верхним веком, казалось, что он грозно хмурится. И это делало его улыбку похожей на зловещий оскал. Резкие черты узкого лица с острым подбородком лишь усугубляли образ. А довольно длинные, небрежно зачесанные назад черные волосы и сузившиеся, полыхающие красным глаза завершали его, рисуя идеального разрушителя миров.

Я помотала головой, прогоняя дурные мысли, но страх, кажется, оклемался и потихоньку жрал мой пустой желудок.

Во взгляде всадника мелькнуло смятения. Лицо вытянулось.

– Ah mōrí?

В его немного трескучем, высоком голосе проступило удивление. Он прекрасно видел, как испуганно я таращусь на него.

Я дружелюбно улыбнулась и тронула его за предплечье. Всадник опустил взгляд на мои пальцы и снова перевел на лицо.

– Mar kaxjomán, мьарив. Ахра... афара́хт.⁷

Я указала пальцем на его полыхающие глаза. За моей спиной раздался голос Аика:

– Ah afaraárh, mōrí? Malt afaráh.⁸

---

⁷ Прости меня, мьарив. Я боюсь.

⁸ Испугалась, мьори? Не боишься.

Я хлопнула себя по лбу. Перепутала времена глаголов! Сказала всаднику, что боюсь его прямо сейчас. Но мне простительно. Грамматика нового языка без возможности записать хоть что-то корежила мои извилины.

Я медленно выговорила:

– *Daá. Afa-ra-árx. Saiík im zura' salé* Дана Торрес. *Ax saic, m'ariv?*⁹

Красноглазый мужчина заулыбался. Я невольно хмыкнула – как быстро настроение всадников снова становится хорошим! Кажется, они просто не умеют долго печалиться или переживать! Особенно когда я говорю на их языке.

Интересно, Аик рассказал товарищам про наши... трудности в общении? Наверняка.

– *Maritás Daár, mōrī.*

– Маритас Даар.

Всадник мелодично засмеялся. К нему присоединились остальные, и я смущенно улыбнулась. Нас отвлек новый голос, звонкий и чистый.

– *Avalés in áksast khar, mōrī! Ah am vasahtü im zült?*

Я повернулась к говорившему. Им оказался мужчина моложе меня, с желтыми как у Гардаха глазами и очень похожий на него. Точно родственники! Отец и сын, вероятно.

Черты его лица были округлыми, плавными, располагающими к себе, но в его взгляде не было доброжелательности – всадник казался настроженным и вымотанным.

Я повторила заученные фразы и приветственный ритуал. Собеседник не улыбнулся в ответ, и это удивило меня гораздо сильнее, чем глаза Маритаса.

– *Daá. Khaád Daár.*

– Кхаад Даар.

Он кивнул и отступил в сторону, пропуская следующего мужчину.

Этот всадник был гораздо старше остальных, одаренный завораживающей красотой мужчины, которым идет возраст. В черных волосах, усах и короткой бороде блестела седина. В узорах морщинок угадывался крутой норов. В благородных чертах лица – спесь. Голубые глаза светились мудростью. Этому мужчине невольно хотелось поклониться!

Но адресованная мне улыбка была доброй, ласковой. И мне вдруг стало ужасно грустно.

Я вспомнила отца, оставшегося в другом мире... Маму... Всех родных... Даже кота!

Я слотнула ком в горле, прижала ладонь ко лбу, а потом кулак к сердцу.

– *Avalés in áksast khar, m'ariv. Ax am vasahtü im zült?*

В ответ на мое приветствие всадник сделал нечто невероятное – он сгреб меня в охапку и радостно гаркнул:

– *Daá. Khar Djahár Daár.*

Остальные мужчины расхохотались... а я вцепилась в Кхар Джахара и разрыдалась. От усталости. Горечи на душе и боли во всем теле. Тяжести пережитого за последнюю неделю. Невозможности нормально с кем-нибудь поговорить, поделиться мыслями и чувствами, страхами, которые в одно мгновение ожили и принялись душить меня.

Я самая обыкновенная женщина! Совсем молодая, слабая и абсолютно беззащитная! Еще неделю назад у меня была совершенно понятная и простая жизнь. И вот я оказалась выдернута из нее против воли, по решению придурочного бога, и закинута в другой мир! Едва не умерла! Ничего не понимаю! Даже язык местных! Мне очень больно, одиноко и невероятно страшно!

Смех всадников стих. Они обменивались короткими репликами, и голоса их звучали растерянно. А Кхар Джахар обнимал меня и гладил по спине, приговаривая:

– *Kastaráh! Vasará im zült ammált, harí ad üm khis.*

---

⁹ Да. Испугалась. Мое имя – Дана Торрес. Как твое, м'арив?

Я ни слова не понимала, но голос мужчины звучал так заботливо, с таким отеческим участием, что слезы бежали все сильнее. Казалось, Кхар Джахар точно знает, почему я плачу. И искренне сочувствует мне.

***

Мне стало стыдно за устроенную истерику, и я покинула всадников, отказавшись от ужина. А в снежной комнате, которая была значительно больше предыдущих, хмыкнула, разглядывая полноценную двуспальную кровать из снега, выстеленную шкурами неизвестных животных. Села на край, прочесала пальцами длинный мех, глубоко вдохнула... и вздрогнула, когда от дверного проема раздалось:

– Ah mǫrí?

Я повернулась к застывшим в проходе всадникам и вымученно улыбнулась.

Маритас указал взглядом на мою руку. Я тут же спрятала ее под плащ – покраснения на коже сменились жуткой сыпью, на месте шелушений появились кровотокающие трещины. Аик еще неделю назад отдал мне свои перчатки из толстой кожи, но этим невозможно было устранить полученный урон.

Я уже привыкла к тому, что все тело ноет – к чему переживать из-за жжения в руках? А еще я искренне радовалась, что у меня нет зеркала – совершенно не хотелось знать, что у меня с лицом. Оно постоянно горело. Я чувствовала саднящую боль даже по ночам, когда спала.

– Sarí malér.

– Я не понимаю.

Аик обхватил свою кисть пальцами и с шипением втянул воздух сквозь зубы. Его брови изогнулись, придавая лицу мученическое выражение.

– А, понятно. *Sarí malér. Даа́.*

Болит, очень сильно болит.

Всадники подошли к кровати. Аик сел рядом, а Маритас опустился передо мной на корточки и протянул руку. Я несмело взялась за нее. Мужчина провел кончиками пальцев по своим векам и прикрыл глаза, потом указал на меня. Я послушно закрыла глаза, не представляя, что он собирается делать. А в следующее мгновение охнула – мою кисть обьял жар, словно я сунула ее в очень горячую воду. Каждую трещинку зашипало, а воспаленную кожу загло.

Аик прикрыл мои глаза прохладной ладонью и шепнул:

– Sal vahnārán, mǫrí. Sal vahnārán.

Я до сих пор не знала, что это значит, но то же сказал Гардах перед встречей с другими всадниками. То же он сказал, вытащив меня из сугроба... и я выдохнула, пытаюсь расслабиться.

Всадники спасли меня. Заботятся обо мне. И даже если они собираются принести меня в жертву своим богам... Разве сейчас у меня есть другой выбор, кроме как довериться им?

Моя кисть в руке Маритаса тем временем горела все сильнее. Я терпела, сжимая зубы. И когда показалось, что больше не выдержу, всадник выпустил мои пальцы и взял вторую руку. С ней произошло то же, что с первой. А когда все закончилось, Аик убрал ладонь от моих глаз. Я посмотрела на него, потом на Маритаса и проглотила испуганный крик.

Огонь в глазах всадник рвался на волю и должен был опалить ресницы и брови, а лицо...

МНЕ НЕ ПРИВИДЕЛОСЬ!

Кожа на его лице в нескольких местах только что срослась!

Какого... Да что... Да кто они такие?!

Стало трудно дышать. Маритас словно почувствовал это и посмотрел на мою грудь, потом на Аика. Тот осторожно толкнул меня плечом и кивнул на мои кисти. Я опустила взгляд и ахнула, пораженная до глубины души.

Краснота и сыпь исчезли, а трещинки и ранки зажили! Даже мозоль от шариковой ручки на безымянном пальце пропала! Кожа стала мягкой и нежной.

Я сгибала и разгибала пальцы, боясь поверить, что больше не болит.

Как прекрасна жизнь без боли! И почему мы ценим ее отсутствие только когда ПЕРЕСТАЕТ болеть, а не просто НЕ БОЛИТ?

Я подняла восхищенный взгляд на Маритаса.

– Ты... целитель? Лечишь людей? Но... как?

Он смущенно улыбнулся и указал на мое лицо. Я прижала ладонь к горячей щеке и с мольбой выдохнула:

– Даа́.

Маритас снова попросил меня закрыть глаза, а Аик уселся на кровать позади меня и мягко надавил на веки прохладными пальцами. Они явно не хотят, чтобы я видела... Что? Что происходит с лицом Маритаса во время лечения? Любопытство было таким сильным, что я готова была отпихнуть руки Аика, чтобы подсмотреть, но, когда ладони лекаря легли на мои щеки, думать об этом забыла. Лицо словно кипятком окатили. Я зажмурилась и глухо застонала.

На этот раз лечение заняло больше времени. На лбу выступила испарина, и я терпела из последних сил. А когда вместе с ладонями Маритаса от лица ушел жар, дождалась, когда Аик уберет пальцы, и посмотрела на целителя. Он улыбался, разглядывая меня с нескрываемым удовольствием.

Я провела ладонями по щекам и лбу, коснулась пальцами зажившей губы... и всхлипнула, готовая броситься ему на шею.

– *Мюрика́с*¹⁰, Маритас Даар!

Мужчины засмеялись. Аик пересел на край кровати и тоже принялся разглядывать меня. Я смущенно пробормотала:

– Почему ты так смотришь на меня?

– Ah salé bűdór, a?

– Salé bűdór, mǎrív.

Мужчины обменялись лукавыми улыбками, и я поняла – мне только что сделали комплимент. И ОЧЕНЬ ЗАХОТЕЛА, чтобы у меня под рукой оказалось зеркало!

Я думала, Маритас на этом остановится, но его цепкий взгляд прощупал мое тело. Он положил ладонь себе на поясницу и вопросительно приподнял брови. Я быстро закивала под его веселый смех.

***

Всадник лечил меня долго, а когда закончил с очередным участком моего уже далеко не измученного и уставшего тела, я с ужасом отметила, что его глаза ввалились, а под ними появились синяки. Его лицо сильно побледнело, а на висках заблестели бисеринки пота. Он потянулся к моей шее, но я помотала головой.

– *Нин!*

Всадник озадаченно моргнул, и я указала пальцем на его лицо. Маритас провел ладонями по впалым щекам и устало засмеялся.

– Mǎrív, sar kahtahrí...

Я помотала головой.

– *Нин!* *Мюрика́с*¹¹, но хватит! Ты и так много сделал для меня!

---

¹⁰ Спасибо

¹¹ Нет! Спасибо

Аик что-то неразборчиво сказал товарищу. Маритас закатил глаза.

– Dal, kassaáh, pütöt!

Мужчины обменялись насмешливыми взглядами и повернулись ко мне. Я приготовилась отбиваться, если решат лечить силой, но Аик встал и направился к дверному проему. Маритас дождался ухода товарища и тихо спросил:

– Ah sarí malér, mōrī?¹²

И постучал кончиками пальцев по своей груди. И по его взгляду стало очевидно – он спрашивает не про кости и мышцы. Он спрашивает про то, что болит *внутри*. Душа, сердце... Что бы это ни было, он имел в виду это. И когда на мои глаза навернулись слезы, грустно улыбнулся.

Я кивнула, но, когда он протянул руку, помотала головой.

– *Нин, мюрикас*, Маритас! Ты устал, и тебе нужно... *сюн*, поспать. А я...

Я прижала ладонь к груди и хрипло засмеялась.

– Я это переживу. Я справлюсь. *Мюрикас*, спасибо!

Всадник кивнул, поднялся на ноги и направился к выходу. Я проводила взглядом его пошатывающуюся фигуру, все еще не веря в то, что только что со мной произошло.

Выходит, я стала героиней не просто средневекового романа. В этом мире существует магия. Мозг упрямо не хотел в это верить, но проигрывал со своими хрупкими аргументами.

А я в очередной раз разозлилась.

Чертов Харон засунул обычную женщину в магический мир! И как мне его спасти?!

***

Я лежала на пахнущих уютom шкурах и пялилась в потолок, прислушиваясь к разговорам всадников. Порой узнавала отдельные слова, но общей сути не понимала.

Благодаря лечению Маритаса впервые за неделю я чувствовала себя прекрасно. По крайней мере, физически – на душе стало совсем паршиво, когда я поняла, чего стоила всаднику помощь мне.

Немалых жизненных сил.

После того, что он сделал, последние сомнения в том, что всадники мне не навредят, готовы были раствориться в воздухе. Но мозг, избавленный от физических страданий организма, решил пустить мысли в ином направлении.

Хорошо, не навредят. Почему так пекутся обо мне? Знают, что я попала сюда, чтобы спасти их мир? Знают ли они, от чьих посягательств на спокойное существование я должна его защитить? Или все-таки в жертву принесут? Во имя мира, естественно!

Противный голосок шептал: *тебя используют, не сейчас, так в будущем, только так можно объяснить их БЕСКОРЫСТНУЮ заботу*. И заглушить его было очень сложно. Потому что говорил он логичные вещи.

Я закрыла глаза ладонью и подавила стон.

Много чего можно придумать, не владея никакой информацией. А судя по тому, какими темпами я учу язык всадников, необходимые сведения добывать буду по факту в месяц.

Я зарылась в память, представляя огромный шкаф, заполненный книгами и коробками с моими воспоминаниями. В нем было очень мало свободного места, и я снова вспомнила про особенность мозга – записывать новые сведения поверх старых. Если бы только я могла избавиться от ненужных воспоминаний, чтобы освободить побольше места... Может тогда язык всадников дался бы легче?

Я беззвучно засмеялась и погладила мягкую шкуру ладонью.

---

¹² Болит, мьори?

Придумала тоже. Освободить место в «шкафу воспоминаний». Это невозможно, потому что нет никакого шкафа с коробками, которые можно выбросить.

Я вспомнила, что сказал мне Харон: *ты должна решиться на забвение*. И судя по изложенной им хронологии событий, это должно произойти... после шага в Лиман? Или все же до? Да что вообще значит: *решиться на забвение*?

Я повернулась на бок и вздохнула, соскальзывая в сон и теряя нить размышлений.

Глава 4

Наше путешествие продолжалось. Через несколько дней пути зима уступила весне. Снега резко закончились, обнажая черную плодородную землю, и я еще долго оглядывалась назад, всматриваясь в прерывистую белую линию.

Разве такое возможно? Вон там снег лежит, а здесь его уже нет совсем...

Видимо, в этом мире – возможно.

Теперь по вечерам всадники выбирали поляны и разбивали кругом небольшие шатры из не пропускавшего ветер тканого материала. В центре лагеря обязательно разводился большой костер, но откуда мужчины брали для него дрова я так и не поняла. С собой, что ли, таскают, в сумках седельных...

Вокруг костра прямо на землю стелились пепельно-серые шкуры, на которых мы и ужидали. За едой я внимательно слушала разговоры всадников, пытаюсь уловить знакомые слова и повторяя за ними произношение, и разглядывала их походный инвентарь.

Глубокие и плоские тарелки и приборы были выполнены из серебристого и черного металлов. Вместо кружек – незамысловатые кубки без каких-либо украшений. Обычный закопченный котелок, в котором готовились каши и супы с неизвестными мне ингредиентами растительного и животного происхождения из запасов мужчин. Самый обыкновенный половник. А как-то раз, когда Аик вытаскивал вещи из своей сумки, я заметила альпинистский крюк и тугой моток бечевки.

Обычный походный рюкзак туриста, собирающегося в горы! Весь инвентарь всадников был мне вполне знаком и привычен, только казался каким-то... устаревшим? Средневековым, ага, да... Что за бред...

После ужина я уходила в шатер, ложилась на выстеленную шкурами землю, заворачивалась в плащ и бездумно гладила вышитого дракона, запоминая кончиками пальцев детали.

Мифическое существо было изображено со спины. Повернутую в профиль голову украшало пять пар рогов, две на верхней части лба и три по дуге от висков к нижней челюсти. От макушки и до двузубого окончания хвоста по позвоночнику тянулись крупные шипы. Крылья были раскинуты, но не развернуты до конца. Кожные перепонки лежали складками. Окружавшие дракона морозные узоры напоминали еловые лапы.

Изумительная вышивка, выполненная жесткой серебряной нитью, красиво мерцала на черной ткани. Мне не надоедало водить по ней пальцами, и за этим занятием я неизменно проваливалась в беспробудный сон. А по утрам просыпалась с невероятной легкостью в теле и голове и ловила себя на мысли, что кровати удобнее у меня никогда не было. И это немного пугало – уж слишком быстро я приноровилась к отсутствию удобств, привычных моему современнику. Хотя по смартфону, который потерялся где-то в снегах вместе с кошельком, все же скучала.

Я все еще плакала по ночам, отпуская прошлую жизнь. И наверняка буду плакать еще долго. А грустить, возможно, до конца своих дней...

С наступлением тепла меня сильно озаботила личная гигиена. А причина была простой – я начала потеть. Страшно хотелось с головой занырнуть в горячую ванну или хотя бы в достаточно теплый водоем... Да в любой на самом деле! Ужасно хотелось отмыться, хорошенько прополоскать волосы и выстирать вещи.

В светлое время суток я снимала плащ, оставаясь в дутой куртке, которую мои спутники разглядывали с нескрываемым любопытством. Они тоже избавились от зимней одежды, и я убедилась в верности давней догадки – всадники обладали внушительными габаритами и хорошо развитой мускулатурой, игравшей под одеждой при каждом движении.

Самым атлетичным оказался Гардах. Кажется, его бицепсы я не смогла бы обхватить даже двумя ладонями. Обгонявший его возрастом Кхар Джахар шел вторым в рейтинге, и я откровенно поражалась его потрясающей физической форме. В его-то годы! Гармонично сочетавший в себе мощь и мягкость Драха получал приз за третье место. Аик и Кхаад были, скорее, поджарыми, а Маритаса на фоне остальных я назвала бы жилистым. Но красноглазый мужчина все равно выглядел внушительнее спортсменов, истязавших себя тренировками ради красивого тела.

Вот только тела всадников создавались явно не в тренажерках. И, глядя на меч Аика, я сильно сомневалась, что они пользовались типичными спортивными снарядами на своих... занятиях.

Под плащами всадники носили одинаковые черные рубашки с серебряной вышивкой на воротниках-стойках и манжетах и черные кожаные штаны. Их талии обхватывали украшенные металлическими пластинами пояса в ладонь шириной. К ним крепились бурдюки с водой, кожаные мешочки и ножны с кинжалами. У Аика, Гардаха и Драха кинжалов было по два, и ножны сильно различались оформлением – одни явно были дороже. Мечи были у двоих – огромный у Аика и поменьше у Кхаада. У Маритаса за спиной висел колчан со стрелами и лук в налучнике.

Во время одной из ночевок Аик оставил свое оружие на шкурах возле костра и ушел в шатер. Я воровато огляделась – остальные мужчины были заняты своими делами – и присела на корточки рядом с пятифутовым¹³ мечом, рассматривая необычный волнистый клинок. И даже вспомнила, как такой меч называется – фламберг¹⁴. Откуда это знание взялось в моей голове – непонятно. Наверное, из какого-нибудь фильма.

– Ah mōrī?

Я вздрогнула от неожиданности и хотела ретироваться, но было поздно – меня поймали на «месте преступления». Это выглядело бы странно по меньшей мере.

Аик присел рядом и вопросительно приподнял брови. Глядя ему в глаза, я несмело потянулась к мечу. Всадник кивнул.

– Dal.

Я завороченно погладила холодный металл, коснулась обтянутой кожей рукояти. Она была почти такой же длины, что и клинок, по которому бежала вязь кажущихся смутно знакомыми символов. Стоило коснуться одного, из кончиков пальцев к запястью потекла приятная прохлада, а в голове раздался тихий шепот. Торопливый, бессвязный, но кое-какие фразы мне разобрать удалось. И вот что странно – они звучали... на моем языке!

Я резко огляделась, но говорившего не увидела. Уставилась на оружие всадника...

Со мной что, меч шепчется?!

Я отдернула руку и перевела недоумевающий взгляд на Аика. Он внимательно следил за моими действиями, как и Гардах с Кхар Джахаром, остановившиеся неподалеку от нас.

– *Мюрикас!*¹⁵

Я поспешно выпрямилась и развернулась, чтобы уйти, но Аик поймал меня за запястье.

– Mar mōrī!

Я обернулась и уставилась на фламберг, который он мне протягивал. Всадник держал его одной рукой так, словно махина совсем ничего не весила!

– Dal, mōrī, tükáht!

---

¹³ 1,5 м

¹⁴ Клинок волнистой (пламевидной) формы, чаще всего двуручный. До 1,5 м в длину, до 4,5 кг весом. Выступающие участки волн первыми касались цели, что повышало шанс прорубить доспех противника. Благодаря тяжести оружия и из-за особенностей заточки рваные раны, нанесенные «волнами» клинка, практически не заживали. А врагов, владеющих фламбергом, ненавидели сильнее прочих и, захватив в плен, казнили только за то, что они сражались этим мечом.

¹⁵ Спасибо!

В его глазах заплясали искорки смеха.

Я осторожно взялась за рукоять. Аик перехватил оружие за клинок, но не спешил разжимать пальцы. Смешинки не скрывали пристального внимания во взгляде. Он кивнул на мою свободную руку, и я обхватила рукоять уже двумя руками. И согнулась пополам, когда всадник отпустил клинок – тяжеленный меч потянул меня к земле.

С тихим смехом Аик перехватил рукоять у самой гарды¹⁶ и помог мне придать мечу вертикальное положение. Я опасно покачнулась, и мужчина придержал меня свободной рукой за лопатки.

Я ошарашенно уставилась на громадное оружие. Как он им сражается?! Меч весит не меньше десяти фунтов¹⁷!

В мои ладони проникла уже знакомая прохлада, а в голове...

Я нервно толкнула Аика плечом.

– Забери, прошу!

Всадник не шевельнулся.

Шепот в голове зазвучал отчетливее, и я испуганно воскликнула:

– Забери его, Аик!

Мужчина выхватил оружие и отступил на шаг, пытливо всматриваясь в мое лицо. Тем же занимались и Гардах с Кхар Джахаром – я чувствовала их изучающие взгляды кожей.

Я зачем-то поклонилась Аику.

– *Мюррикас!*¹⁸

Он залился хриплым смехом, вгоня меня в краску, сделал три шага назад... и закружил по поляне, рассекая воздух огромным мечом. В его руках он казался невесомым, а каждый шаг мужчины напоминал танцевальное па.

Я застыла, от восхищения забыв, что нужно вдыхать хотя бы через раз.

Ночь запела, восхваляя всадника и его страшное оружие. Казалось, что за ними с любопытством следит даже безразличное ко всему небо.

Глаза Аика горели все ярче, и свет вырывался на волю, растекаясь вслед за мужчиной дымным шлейфом. Клинок со свистом рассекал воздух, взлетая к звездам и опускаясь к земле, лишь едва не касаясь ее острием. Выгравированные на металле символы засветились, и мне привиделись язычки голубого пламени, скользящие по смертоносным волнам. Меч словно ожил, стал продолжением руки Аика и подчинялся не его движениям и прилагаемым усилиям, а мысленным приказам.

Всадник двигался плавно, тягуче, но в то же время его действия были решительными, агрессивными. Его глаза полыхали, губы кривились в насмешливой ухмылке, обращенной к невидимому врагу, и каждая атака наверняка должна была кончиться гибелью последнего.

«Танец» закончился так же внезапно, как начался. Гардах поаплодировал товарищу, а когда Аик горделиво поклонился, явно пародируя меня, расхохотался.

Я поймала взгляд Кхар Джахара и пролепетала:

– *Касахт... а сюн.*¹⁹

Он кивнул, и я помчалась к шатру, перепутала свой со слава всевышнему пустым шатром Драха, выскочила на улицу и понеслась дальше. И услышала слова Аика:

– *Salé rüfaaís...*

И почему-то порадовалась, что не знаю, что это значит.

---

¹⁶ Элемент конструкции меча, который защищает руку владельца от меча оппонента и препятствует соскальзыванию руки на клинок меча. Чаще всего представляет из себя простую крестовину.

¹⁷ 5 кг

¹⁸ Спасибо!

¹⁹ Я иду... спать.

Закутавшись в плащ и жмурясь изо всех сил, я впервые за время нашего путешествия всерьез задумалась над тем, кто такие эти всадники.

Местные рыцари? Скорее всего. И спасли меня местные рыцари не просто так. И теперь я была уверена – они знали, что меня нужно спасти. И где появлюсь тоже знали. И точно знают, почему я здесь появилась.

Откуда взялась уверенность? Я боялась самой себе в этом признаться, но все это мне успел шепнуть... фламберг.

Ответы начали появляться самым неожиданным образом...

***

После встречи с вторым отрядом Кхар Джахар постоянно брал меня в седло. Остальные всадники больше не предлагали путешествовать с ними. Это показалось мне немного странным, но я не особо расстраивалась – что-то было такое в мужчине с проблесками седины на висках и в бороде, что меня то и дело пронизывала шемящая нежность и одолевала трепетная грусть. Мне нравилась его компания. Может, дело было в его мудром, спокойном взгляде. Может, в отеческой заботе в голосе.

А может в том, что я проревела у него на плече около получаса и вряд ли могла еще чем-то его удивить...

Кхар Джахар обучал меня языку и делал это так опытно, что стало очевидно – я не первая его ученица. Мне было страшно любопытно, кого еще он учил – такую же девушку, как я? И если да... что с ней стало?

Я узнала, что *ин аксаст* – это *небо*, *кхар* – *черный*, со скрипом извилин выучила местоимения и с десяток новых глаголов. Всадник не торопил меня и весело смеялся, когда я путалась. И на его смех обижаться не хотелось совсем. Только улыбаться в ответ.

Я попыталась выяснить у него, что значит жест «супер» из моего мира. Но Кхар Джахар изумленно ахнул, когда я продемонстрировала оттопыренный большой палец, и шлепнул меня по кулаку с задорной улыбкой. Остальные всадники весело смеялись, качая головами и что-то бурча под нос.

В пути я наблюдала за ними, изучала, старалась понять, о чем они думают. Мужчины днем мало общались между собой, предпочитая подслушивать мои уроки, но если начинали, делали это так эмоционально и при этом так активно жестикулировали, что мне каждый раз казалось – ссорятся и вот-вот затеют драку! Но разговоры всегда заканчивались смехом и улыбками. Хотя пару ругательств я у них подслушала – *тутьо́т* и *кассаа́х*. О том, что это именно ругательства, я догадалась по интонации мужчин. Что это значит – не представляла и не рисковала повторять, опасаясь получить от Кхар Джахара по губам.

Иногда Драха и Маритас пели перед сном. Их голоса – мягкий, словно бархат, и высокий, с перезвоном хрусталия – сплетались с искрами над костром и разносились далеко за пределы лагеря. Я слушала, восторженно хлопая ресницами и не понимая, как мог их язык звучать так мелодично и ласково. Непонятные слова болезненно дергали за струны души, рассыпались осколками в груди. И в эти мгновения мне хотелось плакать и обнимать поющих всадников, чтобы хоть немного облегчить их тоску.

Я давила непонятные порывы, стараясь отвлечься на остальных мужчин. Но становилось только хуже. Во взглядах молодых Дааров легко читалась печаль, а по лицам Кхар Джахара и Гардаха неизменно скользили тени, словно они горевали о безвозвратно утраченном счастье. И я сдавалась. Конечно, на шеи поющих не бросалась, но тихо плакала, утирая слезы рукавом плаща.

Хотела бы я знать, о чем их песни...

***

Небо над нашими головами все еще было затянуто облаками, но иногда в просветах мелькало солнце. Когда его луч впервые за много дней упал на землю, всадники радостно закричали.

Я смотрела на них круглыми от изумления глазами. Так соскучились по солнечному свету? Серьезно? В моем мире есть места, в которых его нет по полгода!

Заметив мою реакцию, Кхаад впервые за время нашего путешествия весело засмеялся, прижал раскрытую ладонь ко лбу, потом кулак к сердцу и обратился ко мне:

– Avalés im zült amár, mōrí!

Его смех подхватили остальные всадники и принялись повторять эту фразу вместе с нехитрым ритуалом. Я взглянула на разорванные солнечным светом облака и прошептала:

– *Авалэс им зюльт амар...* Похоже на приветствие...

Ехавший рядом Аик кивнул на небо и соединил пальцы обеих рук в круг.

– Mar mōrí, salé im zült!

Я медленно кивнула.

Понятно, *им зюльт* – это *солнце*. Теперь в их приветствии упоминается солнце. А еще *васахтю им зюльт...* Выходит, они интересуются, *видела ли я солнце...*

Какое-то особое у них отношение к нему, это очевидно.

Поставив зарубку в памяти понаблюдать за тем, какое приветствие всадники используют в разное время суток, я предалась разглядыванию природы.

В первые дни, когда земля начала оживать, стряхнув с себя снег, меня не отпускало разочарование. Мои спутники были настолько необычными, что окружающий мир на их фоне казался банальным. Уж слишком он был похож на мой.

Я, конечно, не ждала, что трава будет синего цвета или будет светиться, как глаза мужчин. Но, увидев торчащие из земли зеленые ростки, равнодушно отвернулась.

Вот только мое нелепое разочарование было недолгим.

Кайдахары уже стали почти родными и за шок не считались. Когда я впервые увидела их, меня вообще все поражало. А первый ОСМЫСЛЕННЫЙ шок от представителей местной фауны я испытала, когда трое всадников во главе с Гардахом уехали на несколько часов, а вернулись с тушей. Убитое ими животное мордой напоминало оленя. И всем остальным напоминало бы тоже, если бы его тело не было усеяно острыми шипами с палец длиной, а живот не был закрыт тонкими костяными пластинами. Его название я не выяснила, но мясо у «оленя» оказалось вкусным.

Первый урок не лезть к местной флоре я получила, когда мы остановились на ночлег через несколько дней пути по весеннему миру. К тому моменту черная голая земля сменилась лугами с невысокой травой, но я перестала поражаться резким сменам климатических поясов – какой смысл, если здесь это норма?

Гардах обходил поляну по периметру и что-то выдирает из земли, пока остальные всадники разбивали лагерь. Заметив мой любопытствующий взгляд, он поманил меня пальцем и показал цветы. На длинных стеблях покачивались небольшие бутоны красивого персикового цвета, лепестки которых казались нежными и бархатистыми.

Я машинально потянулась к цветам, но Гардах остановил меня резким:

– Mar nin, mōrí!²⁰

---

²⁰ Нет, мьори!

А потом поднес палец к бутону. Растение тут же пришло в движение, а в следующую секунду Гардах отдернул руку. Букет задымился, и всадник бросил его на землю. Кто-то тоненько завыл от боли.

Я испуганно отпрянула и врезалась спиной в Кхаада. Он поймал меня за плечи, не позволив упасть, и кивнул на Гардаху. Я повернулась к всаднику и ахнула. Он демонстрировал мне окровавленный палец, а в его глазах, отбрасывая отсветы на широкие скулы, кипело расплавленное золото.

– Sarí argadá, mōrí, jü argáh.²¹

Я сглотнула и прошептала:

– *Аргада. Аргах.*

Эти слова значили – *опасны, опасность.*

Я опустила взгляд на цветы и подавилась изумленным возгласом – это они воют!

Кхаад тронул меня за плечо.

– Dal, mōrí, kasaráh a sün.²²

Я уставилась на него в недоумении. Какой *сун*? Тут кровожадное растение воет от боли!

– Ah assthá haadahír?²³

Я повернулась к подошедшему к нам Драха и ткнула пальцем в тлеющие на земле растения. Он понимающе улыбнулся, но его взгляд стал печальным.

– Sahassōs. Sarí argadá.²⁴

Я неуверенно повторила, продолжая указывать на цветы:

– *Сахассьос?*

Драха кивнул. Его брови надломились, искажая красивое лицо мучкой.

Так я узнала название первого живого организма, к которому приближаться не стоит ни при каких условиях. Убитый всадниками «олень» оказался милейшей зверушкой, кайдахары – радужными пони, а окружающий мир перестал быть скучным.

Как может быть скучным мир, в котором тебя могут сожрать цветы?!

***

На пятнадцатый день после моего появления в этом мире Кхар Джахар внезапно оборвал наш урок на полуслове, ненадолго уставившись в одну точку, потом повернулся к ехавшему рядом Гардаху и что-то сказал. В быстрой речи я разобрала одно слово: *мьаривта́с*. И лишь потому, что оно отличалось от знакомого мне *мьарив* только окончанием.

Гардах восторженно улыбнулся и передал услышанное остальным. Всадники радостно забормотали. По их лицам разлилось воодушевление. Даже кайдахары сбросили привычное оцепенение, вскинули морды и зашевелили ушами, пытаясь понять, что так взбудоражило их наездников.

Спустя час мы разбили лагерь у подножия заросшего травой холма. Кхар Джахар сразу уехал, прихватив с собой Гардаху и Кхаада. Видимо, за очередным «оленьем». Пару раз в пути я замечала небольшие группы этих животных на равнинах.

Я осматривала невысокие заросли возле шатра, когда меня окликнул Маритас:

– Ah mōrí?

Он вопросительно взглянул на мои испачканные землей руки, и я пояснила:

---

²¹ Они опасны, мьори. Очень опасны.

²² Мьори, иди спать.

²³ Что случилось?

²⁴ Сахассьос. Они опасны.

– *Ahra' sюр... Нин. Сура́хт... сахассьос.*²⁵

Вот она, разница в произношении всего одного звука. *Сюр* – улыбаться, *сюр* – искать.

Всадник понимающе хмыкнул и протянул мне сверток черной ткани. Я забрала его, развернула и недоуменно уставилась на мужчину.

Он дал мне рубашку. Такую же, какую носил сам.

Противный голосок в голове зашептал: *тебя к чему-то готовят. К жертвоприношению, видимо... Сейчас переоденут...*

Маритас словно прочитал мои мысли и засмеялся, протягивая руку. Я неуверенно взялась за шершавую ладонь и последовала за мужчиной на холм. Пока мы шли, я внимательно разглядывала обилие мелких цветочков под ногами, боясь наступить на что-то, что попытается меня цапнуть. А на вершине всадник сказал:

– *Mar mōri! Salé im valt.*

Я посмотрела туда, куда он указывал, и закричала от восторга, прижимая рубашку к груди. Даже несколько раз подпрыгнула на месте под звонкий смех мужчины.

Так вот чему мои спутники и их животные так обрадовались!

Вид на весеннюю равнину был изумительным. Перед нами раскинулось море насыщенно-зеленой травы, над которым местами возвышались вытянутые каменные глыбы-«волнорезы». Но радовалась я как ненормальная по другой причине.

С другой стороны холма раскинулось большое озеро. На берегу в нескольких местах «развалились» огромные камни, силуэтами напоминавшие прилегших отдохнуть людей.

К водоему неспешно брели расседланные кайдахары, и я удивилась – неужели всадники совсем не боятся, что они разбегутся? Нет, я и до этого не замечала, чтобы скакунов привязывали... Да просто не заморачивалась на эту тему.

Вода в озере была настолько чистой, что было отчетливо видно дно. Я успела расстроиться, увидев плывущую тень – неужели там водится кто-то опасный, и я не смогу искупаться? – а в следующее мгновение засмеялась от облегчения. Над водой показался вынырнувший Аик. Он заметил нас, махнул рукой и что-то крикнул. Маритас ухмыльнулся и показал ему... средний палец! И судя по задорному блеску его глаз и ответному хохоту Аика ЭТОТ жест здесь значил то же, что и в моем мире.

Я повернулась к Маритасу и почти завопила от восторга:

– Приносите в жертву! Да пожалуйста! Но сначала дайте помыться, умоляю! Господь всемогущий, расцеловала бы тебя, если бы знала, что можно!

Маритас ни слова не понял, но почему-то покраснел. Он указал пальцем на мой шатер, потом на мою куртку, на рубашку в моих руках и на озеро. Я кивнула, без слов поняв, что он хочет сказать.

– Да, сейчас! В смысле, *амту!*

– *Amtü!*²⁶

– *Даа́, амтү́, сейчас!*

Я помчалась с холма, не разбирая пути, а в спину мне летел трескучий смех.

В шатре я с блаженным стоном избавилась от одежды, оставив только трусики, и натянула на себя черную рубашку, сладко пахнущую травами и дымом. Она села на меня свободно, как платье-миди большого размера. Я подвернула длинные рукава, сунула ноги в ботинки, набросила на плечи черный плащ, подхватила ком грязной, пропахшей потом одежды и выскочила на улицу. Едва не сбив с ног Маритаса, помчалась к холму.

– *Mar mōri!*

---

²⁵ Я улыб... Нет. Ишу... сахассьос.

²⁶ Сейчас!

Я резко остановилась и развернулась к всаднику. Он протягивал мне большой сверток серой ткани и... кусок мыла!

Ох! Давно я не была так счастлива!

– Как же я тебя люблю, если бы ты только знал! *Мюркас!*²⁷

Я с радостным визгом выхватила из рук Маритаса самые настоящие драгоценности и помчалась к озеру, снова отметив, что всадник покраснел после моих слов.

К Аику присоединился Драха. Мужчины плавали в подобии шорт длиной чуть выше колена. Они ныряли в воду, выныривали, фыркали и мотали головами, отбрасывая волосы с лица, и явно наслаждались времяпровождением. Но когда я подбежала к озеру, уронила грязную одежду на траву и скинула плащ с ботинками, одновременно воскликнули:

– *Mar mōri!*

И резко отвернулись.

Я замерла, озадаченная их реакцией. А потом задумалась.

Мы столько времени провели рядом, что я привыкла к постоянному присутствию мужчин. Но все еще уходила дальше, чем хотелось бы, когда естественная нужда гнала меня в кусты, и все еще со смятением думала – слышат ли они мой храп по ночам?

Потому что СТЕСНЯЛАСЬ.

Мы ничего не знали друг о друге и, не имея возможности нормально общаться, могли лишь догадываться, где проведены наши границы приличия. И сейчас, стоя перед мужчинами в одной рубашке, я могла лишь догадываться, сильно ли их нравы отличались от нравов моих современников.

Я смутила всадников видом голых ног? Или они решили, что смущают меня, видевшую юбки короче их поясов? Может, публичное появление в подобном виде заслуживает в этом мире посмертной печати путаны? Если судить по тому, что я знаю про средневек...

Я глухо выругалась, осознав – я наиглупейшим образом пытаюсь оценить мировоззрение мужчин эпохой, о которой знала из книг и фильмов да пары лекций в колледже. И лишь потому, что увидела у них мечи, бурдюки вместо бутылок да кубки вместо кружек!

Я не могла прочесть мысли всадников. Не могла узнать, что для них ценно и важно кроме солнца, на которое лично я крайне редко обращала внимание, какие у них нормы приличия и моральные установки. А потому пыталась измерить их хоть чем-то, что было мне понятно и хоть как-то подходило моей новой реальности.

Потому что так устроен наш мозг – любую прореху в картине мира он пытается заполнить хоть чем-нибудь и не всегда верным. И частенько играет с нами злую шутку. И я, попавшая в незнакомый мир, яркий тому пример.

За последние две недели я видела столько чудес! И каждое пыталась объяснить со своей знакомой, а потому безопасной колокольни. Но здесь у оленя все тело в шипах, у лошадей клыки, цветы могут тобой закусить, а люди владеют магией. Закостенелое сознание вопило, что так не бывает, «подставляло» всадников ехидными комментариями, постоянно искало в их действиях подвох, а я позволяла ему обманывать меня.

Прав был Харон, наш мозг ужасно ограничен...

– *Ah mōri?*

Я поймала взгляд Драха. Он указал пальцем на берег и спросил:

– *Ah sarimás kas va?*²⁸

Аик не смотрел на меня, и я не могла оценить выражение его лица, но Драха казался растерянным. Полагаю, тоже пытался понять – смущает меня их компания или нет.

---

²⁷ Спасибо!

²⁸ Нам уйти?

Я немного помедлила, размышляя над сложившейся ситуацией... а потом плюнула на все и с хохотом вбежала в озеро, разбрызгивая воду.

В первые пару секунд дыхание перехватило, а потом стало не просто хорошо – лучше мне никогда в жизни не было! Я проскользнула между всадниками и устремилась к центру озера, умело загребая прозрачную воду брасом. Аик что-то крикнул мне вслед, но я не расслышала. Надеюсь, он не предупреждал меня о чудовище, которое обитает в глубинах этого водоема. А даже если и обитает – пусть попробует выгнать меня из воды! Голову любому монстру отгрызу за возможность искупаться!

Я плыла, и мне казалось, что вместе с грязью и потом от тела отстают дурные мысли и спутанные чувства. Тревоги, опасения и страхи отваливались прелыми комьями и медленно опускались на дно. А освободившееся место заполняло рассудительное спокойствие любимой стихии.

Я кружила на глубине, иногда ныряя и скрываясь под водой, до тех пор, пока силы не начали истаивать. А когда медленно поплыла к берегу, обнаружила, что всадники все время были неподалеку – вряд ли защищали от глубоководного монстра, просто опасались, что утону. Они не знали, что плаваю я превосходно и воду люблю так сильно, что в прошлой жизни наверняка была дельфином.

Интересно, как выглядят местные дельфины? А киты? Тоже в колючках и пластинах?

Всадники достигли берега быстрее меня и ждали, стоя по пояс в воде и пристально следя за каждым моим движением. Их лица были до невозможного серьезными. Грозными даже!

Я позволила себе украдкой полюбоваться их грудными мышцами, резкой линией ключиц, широкими плечами и сильными руками, усмехнулась и набрала в рот чистой озерной воды.

Когда я была уже совсем рядом, Драха шагнул навстречу и начал говорить:

– *Mar mōri! Cada...*

И резко замолчал, когда я, нащупав ногами дно, выпрямилась и выпустила ему в лицо струйку воды. Потом задумалась на секунду – а вдруг я его смертельно оскорбила?! Но сразу расслабилась, когда Аик рухнул в воду с диким хохотом.

Я рубанула ладонью по озерной глади, отправляя в Драха миллион сверкающих брызг, и рванула на глубину. Отплыв на три ярда²⁹, обернулась... и шумно сглотнула.

Губы всадника растянулись в хищной улыбке. Глаза опасно сузились.

– *Mar mōri...*

Когда он бросился ко мне, я с визгом погребла в сторону ближайшего валуна.

***

Наплескавшись и вымотавшись, мы втроем уселись на берегу. Всадники натянули рубашки, а я замотала волосы в серую ткань и закуталась в плащ, наслаждаясь восхитительным ощущением чистого тела и освежающим мысли запахом озера.

Аик что-то напевал себе под нос, а Драха смотрел вдаль, поглаживая траву. Я невольно залюбовалась им.

Мокрые каштановые волосы рассыпались тонкими прядками. Закатное солнце, явно влюбленное в мужчину, смягчило и без того плавные черты его лица. Расслабленная поза, спокойная улыбка, в ярко-зеленых глазах – задумчивость вперемешку с нежностью. Он настолько гармонично вписывался в окружавший нас пейзаж, что было сложно представить, что он, Драха, мог существовать отдельно от него.

Но неужели в этом мире все мужчины такие красивые? А женщины?..

---

²⁹ 2,7 м

Последняя мысль почему-то не порадовала. Я опустила взгляд на глядящие траву пальцы всадника... и застыла. Даже сердце стало биться медленнее, боясь спугнуть чудо.

Зеленые стебли льнули к его руке, словно разумные существа, обвивали запястье, путались в сильных пальцах, игриво кололи загорелую кожу. Мужчина ласкал травинки, иногда осторожно отщелкивая особо наглые, лезущие без очереди, а я не могла отделаться от мысли, что подсматриваю игру хозяина с любимым питомцем.

Драха прикрыл глаза, наслаждаясь единением с миром. Когда несколько травинок ревниво дернули его за кисть, оттолкнув напористых «соседей», всадник беззвучно засмеялся, разогнал наглицов пальцами и продолжил гладить зеленое море по «холке».

Ну точно хозяин с питомцем!

А что, если это действительно «питомец»? Очередное живое растение? Маловероятно. К моим пальцам приозерная флора не тянется, как жаждущий ласки котенок.

Нет. Все дело в моих спутниках. Видимо, они все владеют магией.

А что, если в этом мире **ВООБЩЕ ВСЕ** владеют магией?

Мозг упрямо опровергал саму мысль о такой вероятности, но слова Харона больше не были упреком или оскорблением, а стали предупреждением – не ограничивай себя, допускай даже невозможное, то, чему не было места в привычном тебе мироздании. Все простое и понятное осталось в прошлом! Доказательств за путешествие я получила более, чем достаточно. Да сам Харон, черт возьми! Вот с кого нужно начинать список!

А потом было тепло, хлынувшее из ладони Гардаха, золотые глаза... У Кхаада такие же? Он владеет той же магией, что и отец? Понять бы, какой...

А тот непонятно откуда возникший на хорошо просматриваемой равнине дом? Аик? Это ведь он каждый вечер уезжал вперед, а потом мы укрывались в снежных строениях. Кажется, я поняла, почему он не брал меня в седло! Неужели это он создавал строения из снега и не хотел, чтобы я узнала? Голубая дымка, льющаяся из его глаз... Фламберг...

Лечение Маритаса и огонь в его глазах, не сжигающий ресницы и брови... И радужки, ярко-красные, такие нереальные...

Да, совершенно точно – они маги. Но за каким же, простите, хреном тогда им нужна я? Простая женщина из мира, в котором магия существует только в книгах и фильмах! Как МНЕ спасти их мир?

Я невесело хмыкнула. Точно в жертву принесут...

Трава расстроено обмякла, снова став неподвижной, когда Драха отдернул руку и окликнул меня:

– Ah mōri?!

Я встретила его взгляд и легко прочла в нем ужас. Душераздирающий, словно всадник только что совершил что-то страшное, непоправимое.

Аик прекратил петь, подался вперед и заглянул в лицо товарища. Но тот смотрел лишь на меня все с тем же ужасом.

Я неуверенно улыбнулась и прошептала, кивая на траву:

– *Сагхарáх*.³⁰

Драха вскочил на ноги и быстрым шагом направился к холму. Аик проводил его спину взглядом и повернулся ко мне. На его лице читался без слов понятный вопрос. Впрочем, я знала, как задать его на языке всадников: *ах асстхá хаадахíр?*

Что случилось?

Я покачала головой и повернулась к озеру. Кажется, всадники решили, что их магия может напугать меня. Только так я могу объяснить, почему Драха перепугался, решив, что сделал что-то ужасное.

---

³⁰ Покази.

Хотя откуда им знать, что магия меня испугает? Потому что я из другого мира?
Как же все сложно...

Я посмотрела на Аика с нескрываемым любопытством.

– Если бы ты говорил на моем языке, я замучила бы тебя вопросами до полусмерти и заставила показать, что ты умеешь.

Всадник неуверенно улыбнулся, не поняв ни слова, и посмотрел в ту сторону, куда ушел его товарищ. А я хмуро уставилась на ком грязной одежды. Нужно выстирать.

***

Я не торопилась возвращаться в лагерь. Неспешно высушила волосы, попыталась рассмотреть свое отражение в зеркальной глади озера, потерпела в этом деле поражение, повалилась на траве, разглядывая затягивающие небо мягкие облака... и принялась стирать чертовы вещи.

Аик предложил помощь, указав на кусок мыла, но я отказалась. Потом попросила отвернуться, пока стирала нижнее белье, и в конце предложила изнывающему от безделья всаднику отжать мои джинсы, толстовку и куртку. Но когда ткань опасно затрещала в его сильных руках, со смехом отобрала одежду. Не гулять же мне в рубашке Маритаса, пока не доедем... Куда мы там едем?

Аик не оставлял меня одну, но я видела – ему страшно хочется узнать, почему Драха так внезапно ушел. Он поглядывал на меня с неммым вопросом, но я делала вид, что не замечаю этого. И думала. Много и активно. В основном про то, как убедить всадников продемонстрировать силу.

Таранного подхода я опасалась. Не знала, как они отреагируют. Зайти издалека не смогла бы при всем желании – я не владела языком, чтобы вести витиеватые беседы. Промолчать об увиденном тоже не выход – наверняка Драха расскажет спутникам, что я видела его игры с травой. А если и не осмелится, любопытство сожрет меня заживо!

Я отбросила упрямую прядь волос с лица, в очередной раз прополаскивая вновь ставшую белой футболку. Мыло у Маритаса восхитительное! Отстирывает даже те пятна, которые...

Так, стоп! О чем я? Ах, да.

А с чего я вообще взяла, что всадники боятся меня напугать своей магией?

Например, с того, что ни разу открыто не демонстрировали, а Драха перепугался до смерти, когда понял...

«Ай, хватит! Иди и сделай что-нибудь! Результат получает тот, кто что-то предпринимает, а не только размышляет!».

Солнце опускалось к горизонту. Смеркалось. Я наскоро отжала футболку, завязала выстиранную одежду в серое полотенце и махнула Аику.

– *Ах касра́х?*³¹

Он радостно улыбнулся – серьезно, чтобы заставить их улыбаться, нужно сказать пару слов на их языке! – и поднялся с травы с явным облегчением. Устал ждать.

– *Kasráh.*³²

На подходе к холму до нашего слуха донеслись обрывки разговора. Я прислушалась и посмотрела на спутника округлившимися глазами – кажется, всадники ссорятся!

Страх ужалил виски, но Аик отреагировал на громкие голоса совсем не так, как если бы там шел ожесточенный спор. Он задышал чаще, схватил меня за локоть и шепнул:

– *Mārivtás...*

---

³¹ Пойдем?

³² Идем.

– Мъари... кто?

– Mar kasráh, mōrī!³³ Kharád!

И потащил меня за собой.

Я дважды запнулась об незаметные под травой кочки, трижды едва не выронила куль с одеждой и порядком запыхалась, пока мы бежали к лагерю.

– Аик, я сейчас... *ayd!* Я сейчас упаду!

Всадник резко остановился. Я по инерции врезалась в его спину, едва не опрокинув нас обоих, и раздраженно рявкнула:

– Аик, чтоб тебя! Слава всевышнему, что ты меня не понимаешь! Я из-за тебя чуть...

– Ah mōrī?

Я проглотила конец фразы, услышав незнакомый голос. Новые всадники?

Я выглянула из-за спины Аика и убедилась в верности догадки. На поляне собрались все мои спутники, включая вернувшихся Гардаха с сыном и Кхар Джахара. Они выстроились полукругом вокруг трех незнакомцев, не успевших слезть с кайдахаров.

У первого всадника, возрастом едва обогнавшего Кхаада, были зеленые, как у Драха, глаза и резко выделявшие его на фоне остальных мужчин светлые волосы и брови. На широком добродушном лице сильно выделялся крупный нос. Увидев меня, он радостно улыбнулся, и на его щеках появились глубокие ямочки.

У второго всадника, шатена, черты вытянутого лица были резкие, словно выточенные в камне. Это делало его похожим на Маритаса, но вид у этого мужчины был более приветливый. Наверное, потому что его голубые радужки казались более естественными, а густые брови не нависали над верхним веком. Он был ненамного младше Гардаха и разглядывал меня с любопытством и настороженностью.

А третий всадник...

Когда он увидел меня, его глаза на пару секунд заволокло черным дымом, но потом они снова стали ярко-голубыми и красиво замерцали. Уголки губ приподнялись в улыбке человека, не верящего в свое счастье.

– Mar mōrī...

Кажется, эти слова, сказанные низким, чуть хриплым голосом, услышал весь мир – настолько стало тихо, стоило мне прекратить ругать Аика.

Я растерянно заморгала под взглядом брюнета. Он смотрел на меня так, словно перед ним предстало сошедшее с небес божество, а не женщина в безразмерном плаще с растрепанными ветром волосами!

Всадник грациозно соскользнул со спины кайдахара и направился к нам. Аик тут же поспешил отойти к товарищам, и мне захотелось броситься следом, чтобы спрятаться за его спиной – уж слишком пристальным было внимание незнакомца!

Я мазнула взглядом по лицам всадников и нервно сглотнула – они смотрели на брюнета с нескрываемым восторгом и обожанием, а Кхар Джахар горделиво улыбался, словно в том, кем являлся этот мужчина, была его личная заслуга.

Я снова посмотрела на шагавшего ко мне брюнета.

Он был одет так же, как мои спутники – в простые кожаные штаны и свободно выпущенную рубашку. Но плащ всадников, небрежно брошенный на одно плечо, навевал мысли о мантии правителя, а кожаный пояс и портупея через грудь – о перевязи воина.

Его поступь была степенной и величавой, осанка – идеальной. Чуть вскинутый подбородок добавлял его образу снисходительной надменности, а прямой и открытый взгляд знающего себе цену человека – власти. Крепкая широкая грудь вздымалась слишком часто.

---

³³ Пойдем, мъори!

Лишь это выдавало волнение мужчины да чуть подрагивающие пальцы, словно ему не терпелось потрогать... меня, что ли?!

От всадника волнами расходилась мягкая, но от того не менее убедительная сила. Он не обладал внушительными габаритами, но рядом с ним остальные мужчины внезапно перестали впечатлять меня своими потрясающими воображение фигурами.

Мой взгляд испуганно пробежался по его широким плечам, спустился по проступавшим под черным льном рубашки мускулам к узкому тазу и вернулся к лицу как раз в тот момент, когда мужчина остановился в двух шагах от меня.

Мне пришлось запрокинуть голову – брюнет был выше меня на фут, не меньше. Он разглядывал меня, задержав дыхание, и я не отказала себе в удовольствии рассмотреть его.

Вблизи незнакомец оказался невероятно привлекательным мужчиной. Я дала бы ему лет тридцать шесть, но он казался старше из-за впечатления, которое производил. Его лицо можно было смело назвать породистым. Симметричные, правильные черты, высокие лоб и скулы, прямой нос, волевой подбородок, четко очерченные темные губы. Глаза окаймляли настолько густые и длинные ресницы, что я искренне позавидовала их обладателю.

Руки зачесались, страшно захотелось прикоснуться к нему, чтобы проверить – он вообще настоящий? Он был красив, как и его товарищи, но обладал какой-то уж слишком идеальной внешностью! Словно его лицо создавали, тщательно выверяя каждую черту, чтобы наверняка влюбить в него всех женщин на планете! О том, что передо мной простой смертный, говорили лишь морщинки в уголках глаз – много смеется? – и в межбровье – и, видимо, много хмурится.

Когда он вытащил кинжал из ножен на поясе, я отшагнула, округлив глаза. Сердце забило быстрее, а к щекам прилила кровь. Его действия напугали меня неожиданностью – я не ощущала угрозы. Наоборот – каждым нервным окончанием я чувствовала, как брюнет тянется ко мне.

Незнакомец вскинул брови, отметив мою реакцию, и ободряюще улыбнулся.

– Mar mōrī...

Низкий голос отозвался в груди легкой дрожью, распугал шустрые мурашки по моим плечам.

Всадник сжал рукоять кинжала пальцами и прижал кулак ко лбу, потом к груди слева, почтительно склонил голову.

– Avalés im zült amár, mōrī. Ah am vasahtü im zült?

Я кашлянула, прочищая горло, и почти прошептала:

– Даа... Авалэс им... им зюльт амар, мьаривтас. Ах ам васахтү им зюльт?

В том, что передо мной мьаривтас, что бы это ни означало, я нисколько не сомневалась. Он явно занимал какой-то высокий пост среди всадников, говоря точнее – возглавлял их. Достаточно было одного взгляда на моих спутников, чтобы в этом убедиться.

Рослые мужчины разных возрастов смотрели на мьаривтаса в покорном ожидании. Я была уверена – он скажет слово, и они бросятся исполнять любой его приказ. И не озеру они радовались и возможности искупаться, как некоторые, а тому, что он вскоре присоединится к нам. И лагерь мы разбили, чтобы дождаться его.

Но откуда Кхар Джахар узнал о его приближении?! Это явно произошло тогда, когда он резко замолчал прямо посреди нашего разговора... Магия? Похоже на правду.

В глазах брюнета расплескалась трепетная нежность. Улыбка стала ласковой.

– Daá, mōrī. Saík im zurá salé Akhá Djahár Daár.³⁴

Акха Джахар... Джахар!

Я искоса глянула на Кхар Джахара. Вот почему он так выглядит! Родственник! Судя по возрасту... Гордый папаша, значит, да?

---

³⁴ Да, мьори. Мое имя – Акха Джахар Даар.

– Ah saís im zurá salé?³⁵

Я облизнула пересохшие губы, прежде чем ответить:

– Saík... им зурá салé... Дана Торрес.³⁶

– Dána Tórrés...

В его исполнении мое простоватое в этой компании имя прозвучало очень даже достойно.

Я вздрогнула от неожиданности, когда Акха Джахар с королевским достоинством опустился на одно колено, склонил голову вперед, чудодейственным образом сохранив спину прямой, и протянул мне кинжал на раскрытой ладони. И знатно охренела, когда остальные всадники последовали его примеру!

Восемь рослых мужчин, шестеро из которых сопровождали меня уже две недели, весело смеялись надо мной, делили пищу и кров, встали на одно колено, склонили головы и прижали правые ладони к груди. В их позах не было покорности – только уважение к тому, кого считаешь достойным его.

Мои руки задрожали. Тюк с одеждой, который я все еще прижимала к груди, ощутимо потяжелел.

Акха Джахар заговорил торжественно, явно следуя какому-то ритуалу. От его грудного голоса у меня перехватило дыхание.

– Mar Dána Tórrés! Ahrá, Akhá Djahár Daár, da kakhaeêráhs e mārítárh avarí zurhirá a sip mārívítás, sasé, saík mōrí, liháht in gahtár saík e im gaheerás, saík e saíks mārív!s!

Он замолчал, но взгляд не поднял, продолжая протягивать мне оружие. А я замерла, лихорадочно соображая – сказать, что я ничерта не поняла, или не портить момент?

Я бездумно отметила витиеватый узор татуировки на мизинце всадника и уставилась на кинжал. По темному металлу вдоль кровостока бежали символы, похожие на те, что я видела на клинке фламберга. Рукоять была вырезана из кости. По отполированной ладонью поверхности вились искусно вырезанные снежные вихри, а тыльник был выполнен в виде головы дракона. Изумительно красивое оружие! И он отдавал его мне.

За каким хреном?!

«Не паникуй, замедлись, обдумай все», – прозвучал в голове совет мамы. И я последовала ему, стараясь сдержать срывающееся на галоп дыхание.

Итак. Сейчас явно состоялся какой-то очень важный ритуал. Видимо, мьаривы не успели сообщить мьаривтасу, что на их языке я говорю на двоечку с натяжкой. Пару слов я поняла, но даже общей сути не уловила!

Хотя цель происходящего предельно ясна. Он протягивает мне оружие, и я должна его взять. И это означает что-то важное для всех! И, похоже, никто не шелохнется, пока я это не сделаю.

Я нерешительно потянулась к кинжалу... и тюк одежды выскользнул из моих дрожащих рук, со звонким влажным шлепком приземлился прямо у ступни мьаривтаса. Как по голове его не ударил или по колену – удивительное дело!

Мое лицо запылало, словно его снова взялся лечить Маритас. Никто не шевелился. Вокруг царила гробовая тишина, и для полноты идиотизма ситуации не хватало только треньканья насекомых, которые заменяют сверчков в этом мире!

Время застыло, предоставляя стыду вечность, чтобы сожрать меня заживо. Я совершенно не представляла, что делать дальше! Схватить кинжал и бежать на другой конец света? В идеале – не брать и провалиться сквозь землю! Или...

---

³⁵ Как тебя зовут?

³⁶ Мое... имя... Дана Торрес.

Первым сдался Драха. Он беззвучно засмеялся, содрогаясь всем телом. Рядом с ним уперся ладонью в землю Аик. Маритас прижал к губам кулак. А следом сдала позиции выдержка остальных всадников. Даже Кхар Джахар басовито расхохотался!

Я перевела растерянный взгляд на Акха Джахара и едва не задохнулась от возмущения!

Плечи мьаривтаса мелко вздрагивали. Он прижимал кулак к губам, заглушая смех.

На ресницах набухли жгучие слезы.

Нет, провалиться под землю больше не казалось идеальным выходом из ситуации. Идеальным было не оказываться в лодке Харона! И никогда не встречать этих красавцев!

– Mar mǫrí...

Акха Джахар взглянул на меня исподлобья. На голубых радужках мерцали белые искорки.

– Tükaráh in gahtár. Avrís e saís. Aha im gaheerás saík e saíks mǫrívs.

Я попыталась пошевелиться, но тело словно окаменело. Акха Джахар понял это... или задолбался ждать ответных действий! Он поднялся с колена и выпрямился, возвышаясь надо мной. Ласково улыбнувшись, взял меня за руку, вложил в пальцы кинжал, сомкнул их вокруг резной рукояти и накрыл своей прохладной ладонью. Погладил тыльную сторону моей кисти большим пальцем и прошептал:

– Ahrá sar muduá sas var kal...³⁷

Рыдания сдавили грудь.

Он рад со мной познакомиться...

Мьаривтас окинул меня долгим взглядом, в котором помимо теплых чувств читалось облегчение человека, который долго к чему-то стремился и наконец ценой тяжких усилий и ужасных страданий достиг желаемого.

– Sas var vailaárh laghád. Mar jü laghád, mǫrí!

Слезы прорвали оборону и потекли по щекам.

В его голосе столько трепета, а я...

– Я не поняла большей части того, что ты сказал.

Мьаривтас застыл, услышав незнакомую речь. Улыбка медленно сошла с его лица.

---

³⁷ Я так рад с тобой познакомиться...

Глава 5

Акха Джахар быстро взял себя в руки, приобнял меня и со спокойным видом – словно ничего необычного не произошло! – подвел к всадникам. Между ним, Гардахом и Кхар Джахаром завязался долгий разговор.

Остальные мужчины отошли к шатрам и о чем-то тихо переговаривались, то и дело заливаясь смехом. Блондин выписывал в воздухе восьмерки двумя короткими мечами, а голубоглазый новичок начищал странное оружие – длинное древко с прикрепленными к обоим концам широкими клинками, смотрящими в разные стороны.

Память услужливо подсказала: это глефа³⁸. Откуда вытащила название – черт его знает! Видимо, оттуда же, откуда и название меча Аика.

Я зябко куталась в плащ, прижимая кинжал к груди, и пыталась унять слезы, которые продолжали течь по моим щекам. Почему плакала – не знаю. Возможно, перенервничала. А может от обиды на судьбу. Или на Харона, который не потрудился вложить в мою голову местный язык, прежде чем отправил в другой мир.

Ну какое же гадство! Только я привыкаю к ограниченным ресурсам и возможностям, прикладываю усилия, чтобы исправить ситуацию, и у меня начинает получаться, как мир усложняет задачу, и я снова обнаруживаю себя совершенно никчемной!

И зачем мне его спасать, этот жестокий, ехидный мир?! Да сгори он в адском пламени!..

Я мотнула головой, отбрасывая волосы с лица. Акха Джахар тут же подхватил длинные пряди и осторожно заправил мне за ухо. Я невольно вздрогнула от его прохладного прикосновения, но он не обратил внимания. Или сделал вид...

Судя по тому, как Гардах поглядывал на меня во время своей долгой и непонятной речи и рисовал пальцем в воздухе схемы, то и дело указывая за спину, он рассказал, как его отряд нашел меня. Потом слово взял Кхар Джахар. О чем он говорил, я не понимала. Судя по постоянно мелькавшему в разговоре *мьори* – про меня.

Мьори. Мьарив. Мьаривтас. Мы точно как-то связаны. И если связь между всадниками я могла объяснить, понаблюдав за их взаимоотношениями, то мою к ним принадлежность – нет. Но я обязательно все выясню.

КОГДА РЕВЕТЬ ПЕРЕСТАНУ!

Я зло вытерла щеку, опасно взмахнув кинжалом. Акха Джахар тихо засмеялся, перехватил меня за запястье и сам осторожно стер слезы с другой щеки. Подался вперед, словно хотел поцеловать в лоб, но остановился и прошептал:

– *Mag mōrī...*

Я едва не застонала от отчаяния. В его голосе столько трепета! А я понятия не имею, почему он так говорит, почему смотрит во все глаза, с болезненной нежностью! И зачем этот кинжал вручил, встав на одно колено!

Мьаривтас взял меня за руку и повернулся к собеседникам, поглаживая тыльную сторону моей кисти большим пальцем. От его прикосновений по коже растекалась прохлада, и я задумалась над этой особенностью.

Желтоглазый Гардах согревал, красноглазый Маритас обжигал, а голубоглазые Кхар Джахар и Аик охлаждали прикосновением. Это точно связано с их магией. Видимо, Акха Джахар тоже... снежный маг? Зимний?

Как же мало у меня сведений...

---

³⁸ Пехотное оружие ближнего боя. Состоит из древка (до 1,5 м в длину) и наконечника (0,4-0,6 м в длину и шириной 5-7 см). Крайне редко – двух клинков-наконечников. Основное предназначение глефы – нанесение рубящих ударов.

Я украдкой посмотрела на Драха. Он весело смеялся над словами блондина, но, почувствовав мой взгляд, повернул голову. На миг в его глазах снова мелькнул ужас, испытанный им у озера. Всадник виновато улыбнулся, но выдавить ответную улыбку я не сумела и отвернулась.

Акха Джахар ахнул и посмотрел на меня со смесью испуга и восхищения, когда Гардах что-то сказал ему.

– Mar mōrí!

Я шмыгнула носом и хрипло выдавила:

– *Мальт... льаса́хт.*³⁹

Свободная рука мьяривтаса поднялась и замерла, словно он хотел дотронуться до моего подбородка, но передумал.

– Avür bagaúr. Mar avür jü bagaúr!

Я взглянула на Кхар Джахара. Мой учитель коснулся кончиками пальцев груди у сердца и сжал кулак, глядя на меня с гордостью.

Багау́р значит *сильная*? Нет, скорее, *храбрая*. Или *смелая*.

Мьяривтас указал на мою правую руку и что-то сказал, растерянно взмахнув ладонью. Потом продемонстрировал свою татуировку. Замысловатый узор из переплетенных между собой языков пламени и морозных рисунков, какие появляются на окнах зимой, обвивал его мизинец, растекался по тыльной стороне кисти и убегал под манжету черной рубашки.

Кхар Джахар задумчиво хмыкнул.

– Ah malt salís mōrí?⁴⁰

В груди заворчалось дурное предчувствие.

«*Она не мьори*», вот что он сказал. Точнее, спросил.

В виски вдавились невидимые ледяные пальцы. Акха Джахар словно почувствовал мое усилившееся волнение, обнял одной рукой за плечи и заглянул в глаза с непоколебимой уверенностью.

– Nin. Sār rüfáht úa.

Он коснулся пальцами своей груди возле сердца.

– E úa.

Коснулся точки чуть ниже солнечного сплетения.

Кхар Джахар медленно покачал головой.

– Zün, avür malt kü...

Акха Джахар вскинул подбородок и резко оборвал его:

– Mar salís saík mōrí, at! Sār rüfáht.

Мужчины сжались вместе со мной после его слов. В голосе мьяривтаса не было угрозы, но всем троем показалось, что он замахнулся, намереваясь ударить нас.

– Avalés im zült amár, mōrí! Ah am vasahtü im zült?

К нам подошел шатен, приехавший с Акха Джахаром. Я машинально посмотрела на линию горизонта – солнце почти скрылось, заливая травяное море багрянцем.

За несколько дней пути я поняла, как связано приветствие со светилом – всадники говорили про черное небо днем, если солнца не было видно, и ночью.

Я машинально протянула:

– *Даа́. Авалэ́с им зюльт ама́р...*

И вопросительно посмотрела на всадника. Он почтительно склонил голову.

– Darimás Daár, mōrí.

– Даримас Даар. *Ах ам васахтю́ им зюльт?*

– Даа́.

---

³⁹ Я не понимаю.

⁴⁰ Она не мьори?

Он повернулся к Кхар Джахару и уверенно сказал:

– Salís mōrǐ, mārív. Aík sepaarh⁴¹ assthá avrissár salé rüfaaís in kahtagár.

Я прищурилась, поняв лишь первую часть. А вот что именно сказал ему Аик – нет.

Гардах согласно кивнул.

– Vasaaráh, mārív. Aha ahrá.⁴²

Что они видели, я тоже не поняла.

Кхар Джахар виновато улыбнулся Акха Джахару.

– Mar kahümán⁴³, zün.

Когда он озадаченно нахмурился и посмотрел на мою правую руку, мне захотелось спрятать ее под плащ.

Я осознавала – они обсуждают меня, и от этого было неловко. Ничерта не понимала, конечно, но ведь подслушивала! А всадники, зная, что я не владею языком, продолжали беседу, не заботясь о моих чувствах.

И от этого стало жутко обидно. И страшно. Кажется, впервые с того момента, как я оказалась здесь, мне стало действительно страшно!

Что-то явно не так со мной, раз самый старший из мьаривов засомневался, что я – загадочная *мьори*. И, видимо, главная проблема заключается в том, что на моей правой руке нет татуировки. Но с чего ей там быть? Из ниоткуда взяться?! Или...

Татуировка что, тоже магическая? Узнать бы, что означает ее наличие!

– Ah mōrǐ?

Я посмотрела на Акха Джахара. Нежностью в его глазах вполне можно разбивать вдребзи женские сердца. Мужские, в теории, тоже...

– Ah am vasahtü im zült?

Я кивнула и опустила голову, но мьаривтас ухватил меня за подбородок двумя пальцами и заставил посмотреть на него, склонился и повторил вопрос шепотом:

– Saík mōrǐ, ah am vasahtü im zült?

Я замерла, разглядывая белые искорки на ярко-голубой радужке, и честно ответила:

– *Нин*.

Не хорошо у меня дела. Не в порядке я. Стою перед мужчинами испуганная, растерянная, голодная и медленно замерзающая в одной рубашке под плащом, пока они обсуждают меня и, кажется, мою дальнейшую судьбу!

Я думала, что слезы закончились, но глаза снова увлажнились. Акха Джахар притянул меня к себе и крепко обнял, игнорируя сухие покашливания Кхар Джахара. Шепнул:

– Saík mōrǐ ...

Я уткнулась лбом ему в грудь и обхватила рукой за талию. Он что-то сказал всадникам и повел меня к шатрам, попутно раздавая указания. Мужчины засуетились, забежали по лагерю и, судя по радостным лицам, получали от этого настоящее удовольствие.

Оказавшись возле моего шатра, Акха Джахар кивнул на полог, заменявший дверь.

– Ah dürfaráh saké ad akás?

Я открыла рот, чтобы сказать, что не поняла – эта фраза прочно вошла в оборот, и мои спутники давно выучили ее – но он опередил меня. Указал пальцем на себя, на шатер и изобразил ходьбу.

А, в гости просится...

Я согласно кивнула, хотя больше всего мне хотелось остаться одной.

---

⁴¹ Она – мьори. Аик сказал...

⁴² Ты видел, мьарив. Как и я.

⁴³ Прости меня

Мужчина откинул полог и пропустил меня вперед, как истинный джентльмен. Сам войти не успел – его окликнул Кхаад:

– Sip mārivtás!

Что за *сип*?

Акха Джахар задержался на пару секунд и вошел в шатер с моими вещами, сложенными аккуратной стопкой. Конечно же, сухими.

Я подавила стон, заметив нижнее белье между футболкой и толстовкой, и забрала протянутую одежду, так и не выпустив кинжал из рук.

– *Мюрикас*.⁴⁴

– Müritís, mōrī.

Я вопросительно приподняла брови, и он указал на меня.

– Mürikás, mārivtás!⁴⁵

Я слабо улыбнулась, когда он спародировал мой высокий голос, а потом прижал ладонь к груди и пробасил гораздо ниже, чем говорил:

– Müritís, mōrī!

– А, поняла, *мюритис* это *пожалуйста*.

Мъаривтас прищурился и медленно повторил:

– Па... жэ... лу... ста.

Я улыбнулась увереннее и произнесла по слогам, расставляя акценты на гласных:

– По-жэ-луй-ста! *Мюритис*!

– Па... жэ... лу... ста... Mar mōrī! Im saík suönnrá salé jü bragád.

Акха Джахар округлил глаза в притворном ужасе и забавно пробасил:

– *Пажалу́ста*! Nin, mōrī, salé jü bragád!

Он поежился и потер ухо, а я звонко засмеялась.

Ему не нравится, как звучит мой язык? Да его языком, если говорить на нем так же быстро, как всадники, можно врагов калечить!

Значит, *брагад* – это *грубый*? *Некрасивый*? Черт его знает...

Акха Джахар горделиво улыбнулся.

– Im kakhaeêrís suönnrá *нажэ-луста* salís...

Он вскинул ладонь и ласково прошептал:

– Müritís.⁴⁶

От его голоса по моим предплечьям побежали мурашки, а в груди кольнуло. Я повторила про себя: *суоннра* – это *язык*, а *кахаээрис* – его название...

– *Кахаээрис суоннра*...

Всадник воскликнул, прижимая ладонь к груди:

– Mar malt *суоннра*! Im suönnrá...

– *Им суоннра*...

Акха Джахар обреченно покачал головой.

– Salé jü bragád!⁴⁷

Он прикрыл лицо ладонью, позволив мне заметить его задорную улыбку. И я засмеялась громко и весело, как не смеялась уже целую вечность. Акха Джахар смотрел на меня сквозь пальцы с нескрываемым удовлетворением, и я благодарно улыбнулась ему – этого он и добивался.

---

⁴⁴ Спасибо.

⁴⁵ Спасибо, мъаривтас!

⁴⁶ Пожалуйста.

⁴⁷ Очень грубо!

Мьяривы крайне редко демонстрировали негативные эмоции и вряд ли потому, что они – прекрасные актеры. Просто они... такие. Кажется, даже во сне улыбаются.

Но я пришла из мира, где люди постоянно ходят с серьезными рожами. Улыбайся на улице незнакомцам – и тебя посчитают умственно отсталым в лучшем случае. Даже близкие, если ты будешь смеяться так часто, как всадники, задумаются над состоянием твоего ментального здоровья!

Мне было непривычно поведение мужчин, а им наверняка было странно постоянно наблюдать мое хмурое или напряженное лицо.

Кажется, я поняла, почему в *кахайёрском* языке нет такого понятия, как: «дела так себе, у меня все средненько» – если человек может улыбаться, значит, у него все замечательно.

Прекрасное мировоззрение, пусть я не совсем с ним согласна. Несмотря на то, что я улыбалась стараниями Акха Джахара, я все еще была в заднице. Но после нашей шуточной беседы внезапно уверилась – я из нее выберусь. Приложу все усилия!

Задумавшись, я опустила взгляд на одежду, которую продолжала держать в руках... и вспомнила, что помимо рубашки и плаща с ботинками на мне ничего нет. Мало того, что я растрепанная и зареванная, так еще и полуголая в компании этого красивого мужчины!

Мьяривтас засмеялся, будто понял, о чем я подумала. Его прохладный палец коснулся моей пунцовой щеки, погладил скулу.

– Sar jü muduá sas var kal.⁴⁸

Его шепот обласкал мое лицо. Я взглянула на мужчину исподлобья и задержала дыхание – ну почему он так на меня смотрит?! Как на что-то невообразимо ценное!

Акха Джахар кивнул на полог и на одежду в моих руках.

– Kasáht. Dal, öktaráh, sal kümará a sak.⁴⁹

Я кивнула – он звал меня ужинать. А перед этим просит одеться этим *йоктарáх*.

Окинув меня еще одним трепетным взглядом, Акха Джахар прижался прохладными губами к моему лбу. Я застыла, а он прошептал:

– Sas var vailaárh jü laghád, saík mǒrí.

Большие ладони скользнули по моим рукам от локтей к плечам. Акха Джахар отстранился с мученическим выражением лица, словно это далось ему тяжким трудом, и вышел из шатра. А я уставилась на полог, прокручивая в голове его последнюю фразу. Он повторил то, что сказал после вручения кинжала. Я не знала, что это значит, но...

Я глухо вскрикнула и уронила одежду вместе с подаренным оружием.

Saík mǒrí.

Saík – это моя. Значит, он называет меня *моя мьори*.

Его мьори?! С чего вдруг я – его?!

Да что все это значит?

---

⁴⁸ Я очень рад с тобой познакомиться.

⁴⁹ Я пойду. Одевайся и приходи на ужин.

Глава 6

Я долго не могла заставить себя выйти из шатра. Волновалась как самая обыкновенная женщина, которой предстоял ужин в компании мужчин.

Действительно – я оказалась в другом мире, выжила в снегах и каждый день умудряюсь выкручиваться и идти к пока что совсем неясной цели, не имея возможности нормально общаться и получить ответы на волнующие меня вопросы. Всадники видели меня с изуродованным морозом лицом, я сплясала перед Аиком танец «Хочу в туалет», мы вместе купались в озере, я прорыдала у Кхар Джахара на плече полчаса, спала в объятиях мьаривов верхом на кайдахарах, едва не убила мьаривтаса кулем мокрой одежды... Но они все равно оставались невозможно красивыми мужчинами, а я – женщиной, которая привыкла быть привлекательной. И сейчас не отказалась бы от шелковой блузки и юбки, которые так ненавидела еще две недели назад.

Упрямо прочесав длинные волосы пальцами, я заплела тугую косу, завязала ее обнаруженной в заднем кармане джинсов резинкой, надела восхитительно чистую одежду, безостановочно вдыхая травяной аромат мыла, и почувствовала себя гораздо увереннее.

Но недостаточно.

А потому стояла перед пологом, сжимая кулаки и собираясь с духом. Но, кажется, так и не решилась бы выйти, если бы не зашедший за мной Акха Джахар.

Он тронул полог снаружи и позвал:

– Ah mōrī?

Я нервно дернулась.

– Да, входи.

Мьаривтас заглянул в шатер. Его взгляд стал настороженным, когда он оценил выражение моего лица.

– Ah am vasahtü im zült?

Я выдавила улыбку.

– Даа́.

Акха Джахар улыбнулся в ответ и посмотрел на мою косу. Его улыбка испарилась. Во взгляде мелькнул испуг, а лицо побледнело. Я отметила это даже в полумраке шатра и озадаченно спросила:

– Ah am vasahtü im zült, mьаривта́с?

Он хрипло выдохнул, продолжая рассматривать мою прическу. Потом, совладав с эмоциями, мотнул головой и осторожно протянул руку к косе.

– Mar mōrī, ah dürfaräh?

Я нерешительно кивнула, пытаясь понять на что он спрашивает разрешения.

Акха Джахар медленно, словно боясь причинить мне боль, стянул с хвостика косы резинку и расплел мои волосы, пропуская пряди через пальцы. И лишь когда каштановые волны укрыли мои плечи, его лицо расслабилось, а на губы вернулась тень улыбки.

– Ah kasráh?⁵⁰

Я взялась за его протянутую руку и вышла из шатра следом за мужчиной.

Ладно, потом выясню, что это было. Есть в моей новой жизни и более насущные вопросы.

На поляне горел огромный костер. Я проследила взглядом за пляшущими над ним искрами и восхищенно ахнула – по ночному небу, впервые за две недели избавившемуся от завесы из туч, рассыпался миллион звезд! Я никогда не видела столько! В городе это невозможно из-за светового загрязнения, а выбираться с компанией на природу за всю жизнь мне

---

⁵⁰ Пойдем?

удавалось раза четыре. И не в том состоянии я себя обнаруживала к темноте, чтобы звездами любоваться.

– Как красиво...

Акха Джахар проследил за моим взглядом и согласно кивнул.

– Sarí büdör.

Бюдөр. Это наверняка значит *красиво*. Ничего другого, глядя на усыпанное мелодично мерцавшими звездами небо, сказать было просто невозможно!

Я вдруг вспомнила – то же самое про меня сказал Аик после лечения Маритаса. Еще тогда я подумала, что это комплимент. Что ж, убедилась. И улыбнулась – эти невероятные мужчины считают красивой меня...

В прохладном воздухе витал насыщенный аромат цветущего луга. Совсем немного пахло озером. Гораздо сильнее – едой. Я с наслаждением вдохнула полной грудью, в очередной раз радуясь, что снега остались позади. Хотя я и родилась в первый зимний месяц, мороз ненавидела всей душой. Да и зиму в целом... Ну, кроме первого снега и Рождества, в ночь которого появилась на свет.

Всадники расселись вокруг костра на расстеленных на земле шкурах и что-то бурно обсуждали. Едва мы появились в поле их зрения, они встали и почтительно склонили головы, приветствуя нас. Я невольно опустила взгляд на землю, проходя мимо мужчин, которые две недели везли меня по очереди на своих кайдахарах и видели в таких состояниях, в каких не всем друзьям удавалось на меня посмотреть.

Мьяривтас помог мне сесть на шкуру и опустился рядом, сохранив небольшую дистанцию. Лишь после этого мьяривы расселись по своим местам и вернулись к беседе.

Акха Джахар передал мне тарелку с восхитительно пахнущей едой и наполненный вином кубок, одарил ласковой улыбкой и отвернулся к севшему рядом с ним Даримасу. Шатен едва взглянул на меня, но лицо словно обожгло – казалось, он своим пронизательным взглядом мне под кожу залезть попытался.

Я задумчиво посмотрела на остальных мьяривов, занятых беседой, и попыталась оценить – изменилось ли их отношение ко мне после ритуала с кинжалом? Они опустились передо мной на одно колено... Почему?

Я с подозрением уставилась на мьяривтаса, когда в голове мелькнула догадка – в какой ранг он возвел меня этим ритуалом? И стоило ли забирать кинжал?!

Ох, конечно! Очень своевременные мысли! Господь всемогущий, на что я подписалась?!

Акха Джахар почувствовал мой взгляд, повернулся и озадаченно приподнял брови.

– Ah am vasahtü im zült?

Я кивнула и принялась за еду, привычно поливая про себя Харона бранью.

Как же хреново ничего не понимать! Я не привыкла так жить – не имея доступных источников информации.

Вот только все привычное осталось в прошлом. И мои источники информации сидели вокруг костра. Пока не очень доступные, как бы это ни прозвучало...

***

После ужина я наблюдала за всадниками с любопытством исследователя малых народов каких-нибудь богом забытых земель, отмечая перемены в атмосфере и настроении компании. Они все еще много смеялись и улыбались, но с появлением Акха Джахара былая беспечность улетучилась. Теперь большую часть времени мьяривы казались собранными и немного настороженными.

Я со смешком подумала: именно так выглядят офисные сотрудники, когда начальство выходит из кабинета раздать распоряжения или пинки – все дружно начинают имитировать бурную деятельность.

Что ж, Акха Джахар явно был их «начальником».

Старшие всадники, Даримас и Гардах, обращались к мьаривтасу с глубоким почтением. «Папаша», как я окрестила Кхар Джахара, смотрел на него с нескрываемой гордостью, будто его любимое чадо каждое мгновение било мировые рекорды. Самые младшие Аик и Кхаад откровенно заглядывали мьаривтасу в рот. С меньшим обожанием, но не без восхищения к нему обращались мои погодки – Драха, Маритас и зеленоглазый новичок Мархэ Дар.

Мархэ Дар Даар... Челюсть можно вывихнуть!

Но несмотря на кажущуюся мне абсурдной манеру общения сложно было не заметить – отношения между всадниками товарищеские, доверительные. Мьаривы даже позволяли себе шутить над «начальником», судя по задорному блеску его глаз и дружному смеху остальных. И Акха Джахар не злился и не раздражался из-за их веселья.

Он держался свободно и казался расслабленным, но идеальная осанка, чуть вздернутый подбородок и сосредоточенный взгляд сильно выделяли его на фоне остальных мужчин. Он говорил тихо, но каждый, к кому он обращался, моментально переключал на него внимание. Достаточно было его взгляда или жеста, чтобы остальные умолкли, и абсолютно не важно – смеялись они, разговаривали или спорили...

Хотя последние два процесса различить было затруднительно!

Я сидела рядом с мьаривтасом, и мне постоянно казалось, что моей оголенной кожи словно прохладными пальцами касалась его деликатная сила, прячущая за спокойствием мощь бурана. И я ловила себя на странной мысли: эта сила не заявляла права на власть, не бросалась в атаку, но ее обладателю все равно ХОТЕЛЮСЬ подчиняться, беспрекословно и безоговорочно.

Он постоянно поглядывал на меня. То ласково и нежно, то пристально, изучающе. Интересно, как у меня дела, и красиво выгибал пересеченную шрамом правую бровь, когда я отвечала: *даа*. Словно сомневался в правдивости моих слов.

Но я не лгала. Мне было хорошо, спокойно и уютно. Вот только голову одолевали мысли, которым лучше было бы явиться перед сном.

Чем дольше я наблюдала за всадниками, тем сильнее убеждалась – это не просто ужин, это небольшой праздник. И причиной ему служила не только встреча с мьаривтасом.

На лицах мужчин помимо искренней радости читались усталое удовлетворение и облегчение. Будто они долго работали над сложным проектом и наконец успешно завершили его. Эти чувства были мне хорошо знакомы – так выглядела я в тот день, когда Харон выдернул меня из моего мира...

Я прикрыла глаза и зябко поежилась, обнимая себя обеими руками. Настроение моментально скатилось в выгребную яму. Перед взглядом встали лица родных, и каждое взорвало нутро тоской.

Я сказала Маритасу, что переживу утрату. Но на это нужно время. И пусть я почти не плакала по ночам, смирившись с тем, что пути назад нет, боль не уходила. Харон не подарил мне забвение... на которое я *должна решиться*...

Я вздрогнула, теряя нить размышлений, когда меня окутало тепло. Акха Джахар ласково улыбнулся и повернулся к Даримасу, а я поправила плащ, который он набросил мне на плечи поверх моего. Решил, что я замерзла. Внимательный, обходительный, заботливый... Красивый! Мечта, а не мужчина по меркам многих моих современниц, в большинстве своем не привыкших к подобному отношению со стороны представителей сильного пола. Да у нас не каждый дверь придержит, чтобы ты лоб не разбила! Да в моем мире...

Я ругнулась про себя и уставилась на костер. Игривые язычки огня облизывали дрова, пихались, отвоевывая место, и то и дело рассыпали яркие искры.

Снова я пытаюсь измерить всадников привычными критериями. Может, у них в порядке вещей так обстоятельно заботиться о женщине? Ладно, тогда примем отношение Акха Джахара за норму поведения местных мужчин. Все всадники проявили немало заботы...

Но они не смотрят на меня так, словно всю жизнь искали. Не ласкают шепотом, пробирающим до мурашек. Не называют *моя мьори*. Не целуют в лоб. Не выглядят так, словно больше всего на свете хотят коснуться, но сдерживают себя.

Совершенно очевидно – мьаривтас относится ко мне по-особенному. Почему?

В висках болезненно заныло, и я недовольно поморщилась. Голова гудела от обилия обрывочной информации. Пора уже разложить все по полочкам. С самого начала, с разговора с Хароном, чтоб ему икалось, допуская все самое странное, неочевидное и даже невозможное.

Итак. Харон выдернул меня из моего мира, потому что я способна спасти и разрушать миры. Он отправил меня сюда, потому что загадочные «они» хотят уничтожить мир. Так ведь он сказал? А еще он сказал, что этот мир давно ждет меня...

Я перевела взгляд на Гардаха, трепавшего Кхаада по волосам под громкий хохот мьаривов. Молодой всадник недовольно закатил глаза, но, когда снова посмотрел на старшего товарища, в них зажглись смешинки.

Мир давно ждет меня. И всадники ждали. Точно знали, где и как меня искать, знали, что меня необходимо спасти. Даже если тот случай с шепчущим мечом мне померещился, было очевидно – Харон забросил меня в снежную пустыню, уверенный в том, что меня быстро найдут. Это логично. Раз у меня такая важная миссия, было бы расточительством обречь меня на гибель в первые же часы в новом мире. Хотя ему это почти удалось, чтоб его лодка перевернулась, и та серая тварь сожрала придурошного бога!

Но он точно знал, что меня найдет отряд всадников.

Я перевела взгляд на Кхар Джахара. Он смотрел на мьаривтаса с лукавой улыбкой, пока тот что-то выговаривал Мархэ Дару, указывая пальцем на Драха. Последний изумленно хлопал длинными ресницами, а сидевший рядом Аик откровенно потешался над ним.

Меня здесь ждали и точно знали, где искать... Нет, не так. Знали, по какому знаку найдут – невозможная среди зимы гроза с молниями стала их ориентиром.

Всадники разделились на три отряда и обшаривали арктические просторы. Только так можно объяснить, что меня нашли не все девять мужчин разом, а только трое. И что для воссоединения со вторым отрядом потребовалась неделя пути.

В висок ударила тупая боль, будто предупреждая о чем-то. Я потеряла лоб и раздраженно хмыкнула – отвлеклась на мгновение, а мысли попытались сплестись в клубок. Нет уж!

– Ah saík mōī?

Я взглянула на мьаривтаса. Он с тревогой следил за тем, как я тру лицо пальцами.

Моя мьори. Снова *моя мьори*. Его. Не их.

Я хотела привычным жестом «Все супер!» показать, что со мной все хорошо, но вовремя одумалась. Кхар Джахар заметил, что я оттопырила большой палец, и расхохотался, а когда Акха Джахар вопросительно посмотрел на него, что-то тихо ему сказал.

Мьаривтас уставился на меня с изумленной улыбкой на губах.

– Dal, sagraráh.⁵¹

«Папаша» указал взглядом на мой сжатый кулак, и я грозно нахмурилась, вводя мужчин в легкий ступор. Я что, клоун, чтобы веселить их? Хотя... Может, хоть мьаривтас объяснит, что здесь значит этот жест?

Я повернулась к нему и уверенно продемонстрировала кулак с оттопыренным большим пальцем. И уж никак не ожидала, что его глаза на пару секунд заволочет черный дым, а потом он смущенно закашляется и отвернется.

---

⁵¹ Покажи.

– Mar mōrī, nīn!⁵²

Он засмеялся и обмахнул лицо ладонью, а я чересчур громко спросила:

– Что это значит?

Всадники умолкли и уставились на нас. Акха Джахар осторожно начал:

– Mar mōrī...

– Ладно, давай по-другому! *Сюн* значит *спать*!

Я прижала сложенные ладошки к щеке и прикрыла глаза. Мьяривтас повторил:

– *Спать*.

– Да, *сюн* – *спать*. *Бёр* значит *пить*!

Я пригубила сладкое легкое вино из кубка, и мужчина кивнул.

– *Зна-щит пить. Зна-чит*.

Я коснулась его рубашки, ткнула пальцем в плащ и указала на небо.

– *Кхар* значит *черный*. *Аксаст кхар* – *черное небо*. А это что значит?

И снова показала кулак с оттопыренным пальцем. Мьяривтас уставился на него, с трудом сдерживая смех.

Я всплеснула руками.

– Очень весело потешаться надо мной, ничерта не знающей. Да я на вас посмотрела бы, будь вы на моем месте. Вы тоже...

Акха Джахар прижал палец к моим губам, обрывая бессмысленную – он меня не понимает! – тираду, и ласково шепнул:

– Mar kahümán, saik mōrī.⁵³

Он глубоко вдохнул и показал мне жест «Все супер». Даримас булькнул горлом, щеки Мархэ Дара залил румянец, а Драха спрятал лицо в ладонях. Наверняка смеется, засранец!

Мьяривтас сделал еще один вдох, указал пальцем на себя, потом на меня. Помешкав, указал на один из шатров. Я согласно кивнула, и пара смешков прорвала его оборону. Я возмущенно рявкнула:

– Прекрати смеяться! Хорошо, мы с тобой там и... О-о-о!

Я подавилась воздухом, когда Акха Джахар выразительно посмотрел на меня, на шатер и снова показал обыденный в моем мире жест. Уголки его губ приподнялись в соблазнительной улыбке. Он произнес низким голосом, вытягивая гласные:

– Ма-а-аг mōrī...

И вызывающе вскинул брови, склонив голову набок.

Я с громким стоном закрыла лицо ладонями. Над поляной повис хохот мужчин.

Так вот что это значит! Вот почему так уставился на меня Драха в тот день, а Кхар Джахар шлепнул по руке! Я этим жестом мужчинам предлагала... себя!

Акха Джахар притянул меня к себе и шепнул на ухо, обнимая одной рукой за плечи:

– Mar kahümán! Malt hisaárh a tüh sas.⁵⁴

Я отпихнула его, заглянула в голубые глаза с белыми искрами... и улыбнулась.

– *Мар кахюман... мьяривтас. Амюр сак мальт... тюхаарáх*.⁵⁵

Вместо ответа Акха Джахар чмокнул меня в макушку настолько привычно, словно делал это каждый день по несколько раз, и я со всеми удобствами расположилась в уютных объятиях. Мьяривтас поплотнее запахнул на мне второй плащ и снова включился в разговор всадников, поглаживая ладонью мое предплечье.

---

⁵² Мьори, нет!

⁵³ Прости меня, моя мьори.

⁵⁴ Прости меня! Я не хотел тебя обидеть.

⁵⁵ Прости меня... мьяривтас. Ты меня... не обидел.

Я поймала непривычно напряженный взгляд Кхар Джахара, но не отреагировала – черт его знает, чем он недоволен! Прикрыла глаза, наслаждаясь нежностью, которой мьаривтас охотно со мной делился. Я соскучилась по возможности, которую мы начинаем ценить, только лишившись ее – просто быть кем-то обнятым...

Даже через два плаща я чувствовала исходившую от Акха Джахара прохладу. Несвойственная телам живых людей, она была приятной. Как сладкий лимонад из холодильника в жару. Как вечерний дождь после солнечного дня. Как ветерок, несущийся с моря...

Мьаривтас прижался щекой к моему лбу, и я вдохнула аромат мужчины.

Он пах грозой. И немного зимой. И чем-то еще, от чего закружилась моментально опустевшая голова...

***

После ужина Акха Джахар проводил меня и ушел в свой шатер. А я разделась до футболки и развалилась на шкурах, кутаясь в плащ и вдыхая пропитавший его аромат стужи во всю силу легких.

Сон не шел, и я с час ворочалась с боку на бок. Стоило остаться одной, мысли снова начали долбиться в голову. Что ж, раз все равно не уснуть, давай закончим начатое.

Итак, на чем я остановилась? Ах, да! Всадники разделились на три группы. Первую, очевидно, вел Гардах. Вторую – Кхар Джахар. Третью – Акха Джахар. Старшие мьаривы были кем-то вроде его командиров, полагаю...

Как общались между собой отряды, мне еще предстояло узнать. Я снова вспомнила, как замер и резко замолчал «папаша» посреди нашего урока. Допуская невероятное, предположим, что они общаются посредством мыслей. Еще можно предположить, что общаются между собой не все всадники, а только родственники, «папаша» с мьаривтасом, а Гардах – с Кхаадом. Тогда логично распределение мужчин в отрядах – между ними установлена связь, в двух есть живые «обогреватели»...

И когда это я стала великим стратегом?

Так, опять не о том думаю!

Гардах нашел меня, сообщил Кхааду. Отряды поехали навстречу друг другу. После встречи со вторым отрядом Кхар Джахар известил Акха Джахара, и мы отправились навстречу третьему отряду. Значит, все это время...

Я резко села и уставилась в темноту округлившимися глазами. Сердце вздрогнуло и застучало быстрее, словно спрашивая: ты вообще нормальная? Чего так пугаешь?

Я прижала ладонь к груди, спешно раскладывая остальные факты по полочкам.

Мьаривы сделали свою работу – спасли и привезли *мьаривтасу его мьори!* Потом случился ритуал с кинжалом, во время которого они преклонили передо мной колени.

Мьаривы и мьаривтас...

Татуировка на правой руке Акха Джахара. Смятение Кхар Джахара из-за того, что такой нет на моей руке, будто ее наличие обязательно. Значит, у *мьори* должна быть такая татуировка, потому что *мьори* – это...

Я вскочила на ноги, натянула джинсы, набросила куртку и выбежала из шатра. Прохладный воздух игриво прихватил разгоряченное лицо. Аромат разнотравья ударил в голову не хуже крепкого алкоголя.

Костер почти потух, но его света было достаточно, чтобы я оглядела пустую поляну. Все наверняка спят.

Не отдавая отчета в своих действиях, я бросилась к шатру мьаривтаса, продолжая расставлять события, факты и догадки в логический ряд.

«Она не мьори?», – спрашивает Кхар Джахар. Но Акха Джахар не согласен с ним, обнимает меня, уводит в шатер и целует в лоб. Ласковый и нежный до дрожи в коленках. Заставляет себя отстраниться от меня.

Мьори и мьаривтас...

Безнадежно нарушая вероятные правила приличия, я откинула полог нужного шатра, вошла и тихо позвала:

– Ах Акха Джахар?

Ответом мне стала тишина. В шатре никого не было.

Я выскочила на улицу и огляделась, но за кругом света от костра царила непроглядная тьма. Куда он ушел? Прогуляться решил? Верхом прокатиться?

Я поспешила к пасшимся неподалеку кайдахарам. Скакуны недовольно фыркали, но не рычали, пока я пересчитывала их, касаясь горячих морд. Все оказались на месте. Значит, далеко мьаривтас не ушел!

Повинуясь чутью, я поспешила на вершину холма. Хорошо, что еще днем проверила, что никакая тварь, могущая меня сожрать, на нем не растет.

В голове билось:

Церемония с кинжалом.

Моя мьори.

Татуировка, которой нет.

Ласковый поцелуй.

Встретившись с мьаривтасом спустя две недели пути, всадники наконец-то расслабляются, словно в этом и заключалась цель их путешествия.

На вершине холма я споткнулась и едва не упала, а когда снова восстановила равновесие и подняла взгляд, восхищенно ахнула. Лунный свет отражался в травяном море мерцающей рябью, серебрил озерную гладь, воюя за отражение с мигающими звездами. А на берегу водоема...

Я прищурилась, до боли в висках вглядываясь в голубой огонек. Он двигался словно живой, скакал по кругу, выхватывая из мрака человеческую фигуру. Невольно вспомнился Харон на фоне светящихся символов в пещере, и мне страшно захотелось вернуться в шатер и спрятаться под плащом. Но вместо этого я поспешила к озеру.

Постепенно глаза привыкали к темноте. Пару раз я едва не свернула шею, запнувшись на кочках, но с холма спустилась без травм, несовместимых с жизнью.

Чем ближе я подходила к водоему, тем четче становился источник голубого света. Это какое-то существо! Оно бегало вокруг высокой фигуры, оставляя за собой дымный шлейф.

Во мне поселилась уверенность – это Акха Джахар! А странное создание – его магия.

Я хотела окликнуть всадника, но вместо этого замедлилась, стараясь двигаться бесшумно. Если он думает, что я боюсь магии, сразу прекратит демонстрацию!

Чувствуя себя по меньшей мере спецназовцем, я кралась в высокой траве. Ее шелест на слабом ветру прятал мои шаги. И я почти подобралась к мужчине! Между нами осталось ярдов тридцать⁵⁶, когда спокойный голос мягко развеял тишину, как взмах ладони – дым:

– Ah mōrī?

От неожиданности я запнулась и рухнула на землю с грацией набитого ветошью мешка. Больно ударились коленями и ободрала руку, грязно выругалась... и замерла, когда на траву перед моим лицом упал свет.

Слишком яркий. Словно источник совсем рядом.

Я медленно подняла взгляд и изумленно охнула.

---

⁵⁶ 27,5 метров. 1 м = 1,09 ярда

Передо мной застыло странное существо. Полупрозрачное, сотканное из голубого сияния, оно походило на лисицу, но худенькое тельце и лапы были чересчур длинными. Я окинула жадным взглядом хитрую морду с влажным носом и шикарными усами, закрученные спиралью рожки между огромными ушами, богатый меховой «воротник» на узкой груди.

– И что же ты такое, малыш?

Услышав мой дрожащий от восторга голос, зверек умильно фыркнул и завилял объемным хвостом. Склонил голову набок, разглядывая меня любопытными бусинками глаз, а в следующее мгновение прижал уши к голове и отскочил назад.

Акха Джахар бережно взял меня за предплечья, помог встать и попытался заглянуть в лицо. Но я упрямо оттолкнула его, не в силах отвести восхищенный взгляд от зверька, который приник к земле. Он казался напуганным и пристыженным, словно был виновен в моем падении.

– Mar mōrī! Ah am vasahtū im zūlt?

Когда я не ответила, Акха Джахар обхватил мое лицо ладонями и заставил посмотреть на него, с тревогой переспросил:

– Mar mōrī! Ah am vasahtū im zūlt?!

Я сдавленно протянула:

– Охре... То есть, даа'...

Я нерешительно коснулась его скулы, и пальцы укололи снежинки, которые появлялись прямо из воздуха. А точнее, из дымки, которая рвалась на волю из глаз мужчины, ставших полностью голубыми с искрой белого зрачка в центре.

Снова вспомнился Харон. Но в отличие от жутких щупалец под капюшоном перевозчика ласкающая скулы мьаривтаса дымка напоминала красивую метель.

Мужчина не шевелился, но зрачки сместились, пристально следя за моими пальцами.

Я тихо рассмеялась, смахивая снежинки с щеки мьаривтаса.

Невероятно! Волшебно! Это же... настоящая, черт возьми, магия!

Хватка на моем предплечье стала болезненно крепкой. Я тихо ойкнула и дернулась. Акха Джахар тут же отпустил меня и прижал ладонь к груди.

– Mar kahūman, mōrī!⁵⁷

Искра зрачка вспыхнула, и морозное свечение потускнело – мьаривтас отпускал магию. Я взглянула на зверька, который начал таять в воздухе, и обхватила лицо мужчины ладонями.

– Ни! Саграрáх!⁵⁸ Верни!

И ткнула пальцем в существо.

Акха Джахар озадаченно посмотрел на зверька, нарисовал пальцами в воздухе замысловатый узор, и лис начал меняться. Его тело вытянулось вверх и в длину, укрупнилось, обрастая мышцами. Появилось еще две конечности. Мягкие лапы сменились копытами, и в травяное море ворвался кайдахар.

Я зажала рот ладонью и закричала от восторга, а мьаривтас засмеялся. В его смехе было столько радости и удовольствия, что мое сердце дрогнуло и сладко заныло.

Я помчалась за светящимся чудом, но споткнулась уже через три шага и едва не рухнула на землю. Акха Джахар подхватил меня и прижал к своей груди спиной. Его объятия были холодными, и я невольно поежилась.

Мужчина коснулся губами моего уха и прошептал:

– Sas malt tūhār, mōrī...⁵⁹

Я обхватила его запястье ладонью и рассмеялась.

---

⁵⁷ Прости меня, мьори!

⁵⁸ Нет! Покажи!

⁵⁹ Я не обижу тебя, мьори...

– Да знаю я! Дай мне потрогать его!

Протянув руку к подбежавшему к нам кайдахару, я посмотрела на мьаривтаса поверх плеча. Его вновь ставшие полностью голубыми глаза светились, дымка вихрилась, рассыпая снег. Он изогнул бровь и отпустил меня. Я тут же метнулась к скакуну, но, когда попыталась погладить, пальцы прошли сквозь его шею. Кожу закололо, словно я опустила руку в ледяную воду.

Кайдахар надменно фыркнул, раздул ноздри и пустился вскачь, освещая траву вокруг себя. Я проводила его удаляющийся круп взглядом и прижала ладонь к груди – там окончательно взбесилось сердце.

А как иначе?! Это же настоящее чудо! Нечто совершенно невозможное в моем мире!

– Акха Джахар, он такой красивый! *Бюдор! Салис бюдор!*⁶⁰

Я повернулась к мужчине и замерла, залюбовавшись им.

Королевская осанка, прямой взгляд, чуть снисходительная улыбка... и волны деликатной, но уверенной в своем могуществе силы. Передо мной стоял *мьаривтас*, способный взмахом руки создать светящегося скакуна. Мужественный, величественный... Красивый до одури!

Он подошел ко мне и с тихим смехом отпихнул морду наглого кайдахара, который моментально прискакал обратно и попытался втиснуться между нами. Я хотела выяснить, почему мьаривтас может дотронуться до него, а я нет, но вместо этого спросила:

– Акха Джахар, они везли меня к тебе, да?

---

⁶⁰ Красивый! Он красивый!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.